

ВЕК **XX** И МИР

■ СТАТЬИ ■

■ ИНТЕРВЬЮ ■

В НОМЕРЕ:

ХМУРОЕ УТРО СВОБОДЫ

Этот номер целиком посвящен
послеавгустовскому повороту в
судьбе СССР

ISSN 0320 8001

11/91

В НОМЕРЕ:

Версии

- Д. ФУРМАН.** ПОБЕДА ДЕМОКРАТОВ:
ПОРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ? **3**
- А. ЕЛЫМАНОВ.** НЕЗАВИСИМОСТЬ
И АВТОРИТАРИЗМ — ТРУДНЫЕ РОДЫ
ДЕМОКРАТИИ **8**
- А. ПАНКИН.** КАК ГОРБАЧЕВ ЕЛЬЦИНА СПАС **13**
- С. КОРДОНСКИЙ.** ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ
ПО-СОВЕТСКИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПРОГНОЗ **15**

Символ веры

- ПРОИГРАВШИЕ?**
- А. ПРОХАНОВ.** НОВОЙ ПРАВОЙ ЕЩЕ
ПРЕДСТОИТ ВЫВЕСТИ ТАНКИ НА УЛИЦУ **21**
- С. КУРГИНЯН.** «Я ИДЕОЛОГ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ» **26**
- Б. КАГАРЛИЦКИЙ.** ПЕРЕВОРОТ 19 АВГУСТА
УВЕНЧАЛСЯ ПОЛНЫМ УСПЕХОМ **30**

Эссе

- Г. ГУСЕЙНОВ.** ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА **36**
- А. НОВИКОВ.** ЧТО КОНСЕРВИРОВАТЬ
СОВЕТСКОМУ КОНСЕРВАТИЗМУ? **40**
- А. ЧЕРКАСОВ.** СУДУ ВСЕ ЯСНО? **42**

Мир миров

- Д. ДРАГУНСКИЙ.** ЮЖНАЯ АФРИКА:
УРОКИ ОКТЯБРЯ И ОПЫТ ПЕРЕСТРОЙКИ **45**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

«Уважаемые читатели...»

Этот номер «ВЕКА» готовился в сентябре. История наша только что совершила невообразимо крутой вираж, и привычная для нас, сотрудников журнала, и для вас, его читателей, проблематика журнала в связи с августовскими событиями преломилась новыми вопросами, взрывом страстей, споров, сомнений. Мы сочли невозможным для себя выпускать этот номер «Века» так, как если бы ничего не случилось, — это не соответствовало бы ни нашим, ни вашим настроениям и раздумьям. Мы пожертвовали привычными рубриками и разделами, дабы по возможности более полно отразить существующий в стране спектр мнений и позиций в отношении августовского перелома и запущенного им обвала событий.

Не услышав и не поняв всех, невозможно ни стереть грань между врагом и оппонентом, ни осмыслить происходящее, ни предвидеть стремительно приближающееся будущее.

Многое из опубликованного уже будет известным, опоздавшим или несбывшимся к моменту, когда этот номер попадет к вам. Но нас это не тревожит — искренние поиски всегда несут в себе дыхание Истории. Прочтите эти тексты как документы эпохи, как ее интеллектуальную исповедь. Ведь иногда взгляд во вчера проясняет видение завтра.

Быть может, и эти первые попытки понять, объяснить и объясниться, предвидеть помогут нам в нашем дальнейшем пути, который обещает не быть легким.

А. Ф.

ПОБЕДА ДЕМОКРАТОВ: ПОРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ?

Дмитрий ФУРМАН

Путч 19 августа — явление поразительное (и в то же время вполне укладывающееся в логику революционных процессов). Формально в руках путчистов были громадные ресурсы — и отнюдь не только в лице армии и КГБ, но и в виде поддержки достаточно широких слоев населения. Надо хотя бы посмотреть на результаты выборов президента России, чтобы понять, что за путчистами сразу же пошло значительное меньшинство — большее, очевидно, чем то меньшинство, которое поддерживало в свое время Франко в Испании или Пиночета в Чили. И в случае успеха это меньшинство могло бы стать и большинством — значительная масса людей колебалась, а через какое-то время в результате пропаганды и действия психологических механизмов конформизма у него «открылись бы глаза» на то, к какой пропасти подвела страну клика Ельцина и нерешительность Горбачева. Чего не хватало путчистам прежде всего — это веры в себя, решимости, готовности проливать кровь. Нагнать в Москву тысячи танков и никого даже не арестовать — это надо уметь, и эта «мягкотелость» сразу же обрекла их на поражение, ставшее очевид-

ным в первые же часы путча. И это отсутствие веры в себя и решимости — не случайны, это не просто личные качества этих людей. Вряд ли Язов такой трус, и вряд ли легче убить себя и обречь на смерть жену, как сделал Пуго, чем арестовать Ельцина и Попова. Здесь нечто иное. Здесь действует какая-то глубинная логика.

На наш взгляд, трусость и мягкотелость путчистов — это не столько личные, сколько идеологические трусость и мягкотелость. Это трусость и мягкотелость того же порядка, что мягкотелость Керенского, не решавшегося по-настоящему ударить по большевикам. Дело в том, что видеть в Лукьянове или Павлове сталинистов может лишь крайне идеологизированное сознание. Это то же самое, что видеть в Милюкове замаскированного черносотенца, как видели большевики, или наоборот, замаскированного большевика, как видели черносотенцы. Лукьянов и Павлов, а наверное, и Пуго с Язовым, — люди первого, начального этапа, того перестроечного движения, которое в своем дальнейшем, ставшем уже революционным развитии, пошло значительно более бурно и стихийно, чем предполагалось, и начало выдвигать

людей другого типа. Мне представляется, что это — либеральные чиновники и политики, верой и правдой служившие Горбачеву и его реформаторскому курсу, у которых, однако, их запас «либерализма» уже исчерпался. Они приняли очень много — выборы, отмену шестой статьи, приватизацию, но та черта, которую они не смогли перейти — это демонтаж Союза, который виделся им в новом союзном договоре. Это люди, связавшие себя именно с союзными структурами, и можно понять, например, Язова, человека «профессионально-имперского» мышления, для которого расчленение Союза непереносимо. Но так как это люди, уже принявшие очень много из того, что было звеньями, этапами процесса, который вел к неприемлемому для них результату, у них и не могло быть необходимой решимости, той решимости, какой вполне хватало Пиночету, Франко, большевикам. Не мог Лукьянов, выдвинутый в «полудемократическом» процессе выборов 1989 года, все время занимавшийся «парламентскими интригами», великолепно «нашедший себя» в роли главы союзного парламента, быть диктатором или даже выступить за диктатуру. Не мог Павлов выступить за возврат к социализму. Путчисты — люди этапа 1988 — начала 1989 годов, это «маркизы Лафайеты» русской революции, обреченные на безнадежную попытку остановить процесс, который они сами приводили в движение. История самых разных революций полна такими нерешительными путчами тех, кто принадлежит к раннему этапу революционного процесса и кто оказывается трусом в силу своей идеологически межеумочной, переходной позиции. И каждый раз это половинчатое сопротивление, пока идет революционная волна, подхлестывает ее, выдвигая как раз тех, кого они пытаются остановить. Мя-

теж Савинкова и Корнилова помог большевикам. Мятеж жирондистов расчистил путь якобинцам. Мятеж 19 августа привел к триумфу наших демократов, и если бы Ельцин выдумывал, что ему нужно для окончательного триумфа, так это именно то, что сделали путчисты. Но одновременно триумф демократов — это очень серьезный удар по нашей демократии. Почему?

Прежде всего потому, что демократия и наше демократическое движение — отнюдь не тождественные понятия. Демократы у нас — это революционная партия, относительно единая, имеющая общепризнанных вождей. Это — движение, партия, начертывавшая демократию на своем знамени, но, как и любые движения и партии, имеющая и свои специфические, отнюдь не сводящиеся к интересам демократии, партийные интересы.

Припомним относительно быстро, прошедшую на наших глазах эволюцию этого движения. Вначале его лидер — глубоко идеалистический человек, «Дон-Кихот», академик Сахаров, вокруг которого группируются немногие бывшие диссиденты и известные либеральные интеллигенты — любители в политике. В идеологии движения доминирует абстрактный, идеалистический, во многом нереалистический демократизм. Но все это было уже очень давно. За каких-то два года произошли громадные изменения и в социальном характере, и в идеологии движения.

Вначале еще никто не предполагал, какие громадные политические возможности есть у демократов. Но по мере того, как Горбачев и либеральная верхушка КПСС продвигала демократические реформы, возможности эти становились все более очевидны. Они коренились во всеобщей (сверху донизу) утрате веры в коммунистическую идеологию, в анти-

коммунизме, пронизывающем все наше «коммунистическое» общество, от Политбюро до нищего колхозника. И как только появляется система состязательных демократических выборов, этот глубоко запрятанный антикоммунизм начал выходить наружу, принимать форму голосования за «демократов», сначала, как на выборах народных депутатов СССР, в больших городах. Принадлежность к демократии очень быстро стала выгодной, стала путем «наверх». И если раньше среди лидеров демократов доминировали люди, приобретшие известность вне политики, в своих профессиональных сферах, политические дилетанты, то уже во время наших первых, относительно свободных выборов на сцену вышел новый элемент — более молодые люди, для которых их демократизм был основным средством социальной мобильности.

Эти люди естественным образом стали оттеснять либералов-любителей, не способных полностью отдалиться серьезному делу политики — борьбе за власть. И одновременно они вносят в движение новый, цинично-партийный дух, ярко проявлявшийся уже у «межрегионалов», когда Гдлян практически безо всяких доказательств обвинял Лигачева и чуть ли не Горбачева во взятках, а «межрегионалы» считали, что это совершенно нормально. И дело здесь совсем не в том, что «политика — дело грязное» и политик-профессионал — хуже, циничнее «любителя». Политика не грязнее любого другого дела, и Станкевич или Заславский могут быть людьми не менее честными, чем Карякин или Евтушенко. Но у них — другие интересы, у них нет того независимого от политики статуса, который позволяет политикам-«любителям» — быть свободными в политической сфере; для них политика — все, политическое падение — полное

падение, а не уход в основную профессиональную сферу.

Выборы в Верховный Совет РСФСР и местные советы проходят уже при полном доминировании в демократическом лагере людей, делающих карьеру через «демократическую» политику, которая ведется теперь более умело, напористо, серьезно и вскоре приведет к захвату «демократами» власти в России. Во главе демократов теперь уже не «Дон-Кихот» Сахаров, смерть которого подводит черту под ранним этапом движения, а Ельцин, бывший кандидат в члены Политбюро, перешедший на демократические позиции. Одновременно в идеологии движения происходят бурные изменения.

Захват демократами власти в России сопровождается выдвиганием политически выгодного лозунга суверенитета России, позволившем создать мощный блок с сепаратизмом в союзных республиках и начать использование в интересах демократического движения русского национализма. Те же самые люди, которые только что выступали за передачу Карабаха Армении, фактически проигнорировали трагедию турок-месхетинцев (ибо поддерживать турок — это значит поддерживать союзную власть) и стали категорически отрицать права Татарии стать союзной республикой, выдвигая полностью противоречащий идеям раннего этапа движения лозунг «единой и неделимой России».

Произошла подмена идеи демократии идеей прав республик (причем именно союзных, а не автономных), борьбы с национальным угнетением — борьбой с Союзом и центром. Власть демократов полностью подменила сам смысл демократии.

Наш вариант демократической идеологии стал постепенно расходиться с общедемократическими принципами, «обрастать» добавлениями, не имеющими к ним отношения, но свя-

занными со специфическими потребностями партийной борьбы. Соответственно и демократический блок все более стал включать недемократические элементы. В нем все больше людей, привлеченных не идеей демократии, а просто карьеризмом, выгодой, которую они могут получить от перераспределения власти от Союза к России, наконец, русским национализмом. И по мере того, как власть стала стремительно уходить из рук КПСС и союзных структур, вся шушера, которая раньше толпилась на Старой площади, стала толпиться в подъездах Белого дома.

Произошло то, что происходило в истории тысячу раз, начиная с эволюции раннего христианства, кончая эволюцией большевиков. Идущее к власти движение постепенно отодвигает на задний план свои идеалы и принципы. Средства для реализации его целей — власть, влияние на массы — становятся для него истинными целями. При этом, побеждая и подчиняя себе массы, оно само подчиняется массам — их сознанию, их предрассудкам.

Я совсем не считаю, что мы психологически и культурно очень далеки от демократии, мы во много раз ближе к ней, чем в 1917 году. Но было бы крайней наивностью думать, что победившее в масштабах нашей страны за два года народное движение может действительно быть демократическим. При нашей политической традиции появление в нем «фашизоидных» элементов было практически неизбежно. А то, что оно называется демократическим (и даже субъективная преданность части его участников демократии) — такая же малая помеха его «фашизации», как интернационализм большевиков и лозунг «Вся власть Советам» были помехой становлению сталинского режима. И полная (и не дай Бог окончательная) победа «демократов» в ре-

зультате провала путча 21 августа предельно ускорила их уже очень четко обозначившееся перерождение. Оппозиция — в лице умирающей КПСС и «союзных структур» — практически исчезла, и на деле вновь возникла однопартийная система. При этом «героическая оборона» Белого дома от армии, не стрелявшей и стрелять не собиравшейся, была воспринята как индальгенция на все. И если ранний этап движения олицетворяет облик Сахарова, то теперешний — самодовольное мурло победившего хама.

В российском парламенте воцаряется новый и в то же время очень старый дух непристойной лести по отношению к «своим» лидерам и столь же непристойного хамства по отношению к чужим. (Вспомним о предложениях дать Ельцину звание Героя Советского Союза и о приеме депутатами Горбачева). Вокруг имущества КПСС начинается свалка, скорее напоминающая драку «паханов» из-за дележа награбленного, чем политическую борьбу. Тут же, через несколько дней после торжественных заявлений, что у России нет ни к кому территориальных претензий, она предъявила претензии ко всем соседям, и сколько бы потом она от этих требований ни отказывалась, стало очевидно, что значат для победившей «демократии» договоры.

При этом, освободившись от оппозиции в лице умирающей КПСС, новые лидеры явно намерены «приструнить» (а вскоре, возможно, и прикроют) те демократические органы, через которые они выдвинулись.

Все идет «как положено» — в доброй большевистской традиции, когда за ликвидацией оппозиции в стране наступает очередь ликвидации оппозиции в партии. Чем больше меняются названия, тем более все остается по-старому, ибо на самом деле нет лучшего способа оставить все по-ста-

рому, чем радикально изменить название.

Дальнейшее уже более или менее ясно — это новая авторитарная система во главе с Ельциным, которого даже нельзя ни в чем обвинять — его несет историческая волна, подхватившая его, пронесшая через демократически-популистскую стадию и сейчас выносящая к роли «великого князя», опирающегося на преданное ему «демократическое движение», в идеологии которого все более доминирует риторический антикоммунизм и русский национализм. Как в 1917 году, так и сейчас, революция «проскакивает» в своем цикле от авторитаризма к новому авторитаризму (или тоталитаризму) стадию демократии, отвергая «нерешительные» фигуры Милюковых, Керенских, Лукьяновых, Горбачевых.

Очень скоро произойдет и то, что произошло после победы большевиков со многими «белыми», понявшими, что воевали они не с тем, что большевики-то и есть «собиратели земли русской».

У меня практически нет сомнений, что в недалеком будущем Союз писателей РСФСР и люди типа Невзорова поймут, что Ельцин и есть новый русский царь, о котором они мечтали, и идеалисты, оставшиеся в демократическом лагере, будут «вышвырнуты» и у себя на кухнях (это еще хорошо, если на кухнях) будут шутить: «За что боролись, на то и напоролись».

Что же делать? На первый взгляд, сделать можно не так уж много. Рациональные аргументы так же плохо действуют на революционеров, как они плохо действуют на людей, пребывающих в цикле маниакально-депрессивного психоза. Припадок кончится сам собой — бессилием и опустошением.

Можно только уповать на то, что все-таки с 1917 года мы прошли большой путь. Психологически москов-

ский кооператор или обезумевший младший научный сотрудник все же ближе к демократии, чем питерский рабочий или моряк-балтиец, поэтому новая тоталитарная стадия нашего развития будет мягче и скоротечней, и в конечном счете демократия не может не победить (не при нас, так при наших детях). И все же есть еще определенная надежда на то, что почти неизбежный финал нашей трагикомедии не состоится, и демократия победит на этом историческом отрезке.

На наш взгляд, «пир победителей» начался слишком рано и со слишком большой откровенностью. «Мурло» вылезло и стало очевидным для многих раньше, чем его обладатели полностью укрепились у власти. Сейчас уже кое-кто начинает осознавать реальную опасность для демократии — исходящую не от старых, бессильных структур, «подточенных» либеральной эволюцией и показавших свое бессилие 19 августа, а от «демократов»-победителей.

И если эти люди решатся встать в радикальную оппозицию еще не окрепшему новому тоталитаризму, у них есть шанс. Но это не должна быть чисто интеллигентская оппозиция горстки идеалистов — такая оппозиция обречена. Это должна быть серьезная оппозиция, включающая все реальные силы, чьи устремления, не противореча самим принципам демократии, противоречат интересам и политике данного «ельцинского», «демократического» блока, даже если их психология — сомнительно демократична — движения в автономиях; всех тех, кому дорог еще не до конца разрушенный Союз (бывший не только тюрьмой народов, но и силой, не допускавшей слишком явных притеснений наименьшинств, гарантом от возникновения в республиках фашистских режимов) и которые не могут простить легкомысленно-корыст-

ного его разрушения; тех, чьи интересы—скорее в усилении областных, местных властных структур, а не российского центра, скорее — в советах, чем в мэриях. Это может быть очень пестрая и в то же время могучая коалиция. В ней могут быть и либеральные коммунисты, которым были противны карьеристское бегство из партии, и люди, сделавшие на одной партии карьеру дважды, — один раз войдя в нее, другой раз—выйдя. Но она должна вести не назад, к «идеалам социализма», а вперед—к демократической России, которая все равно, рано или поздно, будет. И кто бы из современных лидеров ни взялся за создание такой новой политической силы, пусть даже руководствуясь честолюбием и властолюбием, он

объективно сослужит великую службу своей стране. Потому что страшит не честолюбие лидеров, не проникновение в движение «прохвостов» — прохвосты есть везде и всегда. Страшно только одно— полная победа одной политической силы, монополия на власть. Если другая сила возникнет и выступит на следующих выборах, то, может быть, эта революция будет последней. Если не возникнет, то следующие выборы будут еще очень не скоро—победителям они не нужны, а как наши демократы обходятся с конституциями, мы уже видим. И тогда не путч 19 августа, а его поражение 21 августа будет датой, с которой начнется новая тоталитарная эпоха российской истории, дай Бог, недолгая.

НЕЗАВИСИМОСТЬ И АВТОРИТАРИЗМ: ТРУДНЫЕ РОДЫ ДЕМОКРАТИИ

Алексей ЕЛЫМАНОВ

Крушение советской империи, быть может, одна из ярчайших драм в истории современности. И драма эта — с открытым финалом. Постимперский хаос продолжает нарастать. Детализация все более запутывается. Определенностью отличаются лишь самые общие прорисовки будущего. Ясно, например, что лейтмотивом этой исторической симфонии является тема ускоряющегося дистанциро-

вания друг от друга отдельных частей бывшего «союза нерушимого». Попытки поставить этот распад под совместный контроль республик — активных субъектов распада — это лишь обертоны. Они придают основной мелодии своеобразный оттенок, несколько смягчая ее, но не изменяют общего смысла. Их цель — не воссоздание Союза, а предотвращение реальной угрозы междоусобиц типа

«хорватского синдрома», которые готовы в минуту вспыхнуть на стыках между «братскими республиками».

Весьма вероятно, что начатые интенсивные переговорные процессы когда-нибудь и дадут добрые всходы, сформировав еще одно цивилизованное сообщество государств, некое гипотетическое Евразийское содружество. Но это — в весьма неопределенном будущем.

В настоящем же реальной силы, способной противостоять неудержимым центробежным течениям, пока нет. Перед нами лежит период нарастания неравномерности в развитии новых государств, а значит, и пока нет усиления процесса их взаимного дистанцирования. Одни из них наверняка попадут в фарватер исторического потока быстрее, чем другие. Для более сложных и нагруженных внутренними проблемами и конфликтами постимперских обществ путь государственного становления окажется, по-видимому, особенно тяжелым.

В таком историческом контексте судьба российской демократии ни в одном из вариантов развития не может быть простой и легкой. Бесспорным является лишь то, что Россия прощается с тоталитаризмом, но это прощание отнюдь не обещает быть «скачком из царства необходимости в царство свободы», непосредственным переходом от тоталитаризма к демократии. Подобные переходы, конечно, возможны — тому есть и будут исторические примеры; однако для этого нужны такие исторические обстоятельства, которых нет ни в России, ни в большинстве других государств, рождающихся на развалинах социалистической империи. Для этих новых субъектов международного права, замешанных на сложнейшем по своему этнокультурному составу постимперском тесте, такой переход будет скорее всего крайне тяжелым и болезненным.

Вряд ли этим государствам удастся быстро и просто сформировать такую опору суверенной государственности, как национальная идентичность. И едва ли сам процесс формирования этой идентичности обойдется без такого горького средства как авторитарные режимы. Тем более, что национальная идентичность, кризис которой как раз и наблюдается сегодня в точках так называемых «межэтнических конфликтов», охватывает далеко не только психологическое сопереживание и не ограничивается лишь самоотнесением отдельного человека или группы к той или другой национально-государственной общности. Национальная идентичность на девяносто процентов начлена социально-экономическими реалиями, создавать которые как раз и призваны авторитарные режимы.

Было бы наивно думать, что авторитаризм коренится лишь в сфере политической культуры или политической социализации, в психологии или в идеологии масс, движений и партий. Ведь авторитарные режимы имеют свою собственную, ничем не заменимую историческую миссию, которая и состоит в обеспечении перехода от традиционных форм социальности к современным, в осуществлении процесса модернизации, одной из граней которой и является формирование национальной идентичности.

Иными словами, суть авторитарного режима в том, что он является «модернизирующей диктатурой». Более того, при всей своей одиозности, наша авторитарная модель уже является в своей основе первой «современной», модернизированной формой политического устройства. Она ведь опирается не на мессианские, «запретельные» (трансцендентные) цели, а на «общественный договор»: легитимация авторитарной власти осуществляется обычно с помощью указания на вполне прозаические и посусто-

ронние обстоятельства (обычно — это то или другое состояние нации, общества, чрезвычайные обстоятельства, которые нельзя пережить в условиях демократического режима, или задачи, с решением которых демократия справиться неспособна). То, что такие обстоятельства и задачи могут иметь место, — это аксиома конституционного права, с которой бессмысленно спорить, каких бы демократических убеждений ни придерживаться.

А это означает, кроме прочего, что ценности, служащие для авторитарных режимов нормативными ориентирами, лежат не внутри самой власти, а вне ее. Часто в качестве таких ориентиров принимаются достигнутые передовыми странами стандарты и уровень жизни — в отличие от тоталитарных режимов авторитарная власть не стремится ни к обновлению мировой цивилизации, ни к переделке «природы человека», принимая их такими, каковы они есть.

Если смотреть с этой точки зрения на судьбы и перспективы государств, разместившихся в евразийском постимперском пространстве, трудно не заметить стоящие перед ними столь масштабные модернизационные проблемы, что их разрешение методами демократии выглядит крайне сомнительной затеей.

Вся жизнь этих обществ, в частности, была прежде замкнута на интернациональные механизмы имперской интеграции, на «союзные структуры». Независимость же требует радикального изменения способа функционирования всех без исключения сфер жизнедеятельности постимперских обществ — политической, социальной, экономической, духовной. Так, мутации, начавшиеся в экономике этих обществ, переориентируют их экономические организмы на приоритеты самообеспечения, внешние связи начинают превращаться из целей

в средства для такого самообеспечения.

Неудивительно, если подобная переориентация в недалеком будущем еще больше усилит процессы дифференциации, диссоциации прежних хозяйственных связей, будет стимулировать крупные структурные перестройки внутринациональных экономик и приведет к изменению всей системы внешнеэкономических связей этих государств. Основными партнерами для государств среднеазиатского региона могут стать южные и восточные соседи — Китай, Индия, Иран, Турция, а вовсе не Россия. Западные республики уже сегодня тяготеют к европейскому экономическому пространству. Россия тоже способна выходить на сотрудничество с самыми различными внешнеэкономическими партнерами и регионами.

Следующая группа модернизационных проблем, которые предстоит решать в России, и другим государствам бывшего Союза, — формирование современных форм хозяйствования, основанных на рынке и имманентном ему режиме частной собственности. Трудно себе представить, каким образом в условиях демократической политической системы удастся осуществить приватизацию в столь крупных масштабах. Между тем, каждый день промедления в ее осуществлении углубляет экономический спад, усугубляет дефицит продовольствия, одежды, жилья, топлива, обостряет галопирующую инфляцию. И чем острее проявляются эти хронические недуги государственной экономики, тем более зыбкой становится почва для социально-политического консенсуса, тем отдаленнее реальные перспективы демократии.

Крах империи создал и определенные политические предпосылки авторитарной модели развития. Во многих республиках, в том числе и в России, он усилил поддержку обществом

лидеров, ориентирующихся на достижение национальной независимости и существенно снизил уровень требований к политической системе. Большинство, например, вполне лояльно восприняло не только явно авторитарные решения Б. Ельцина и его команды, направленные на ликвидацию КПСС и КПР, но и заметное усиление исполнительной власти за счет беззубой и неповоротливой советской системы. Не вызвал протеста и фактический разгон Съезда народных депутатов Союза ССР. Эти действия для многих, если не для большинства, оказались более понятными, чем, например, последовавший вслед за этим возврат российского руководства к «либеральному» курсу.

После неудавшегося путча вполне естественно ожидать более действенных и радикальных мер по предотвращению возможных попыток переворотов в будущем.

Словом, в стране сложилась крайне своеобразная общественно-политическая ситуация, подталкивающая власть к авторитарному типу политических и социально-экономических преобразований. Буквально на глазах происходит распад идеологического альянса между национальными и общедемократическими целями, то есть той идеологической «гремучей смеси», которая вызвала революционные перемены в национально-государственном устройстве страны. Разложение этой идеологии происходит буквально с космической скоростью. Силы, пришедшие к власти на волне синтеза идей национальной независимости и демократии, как З. Гамсахурдия в Грузии, уже осознают: жизнь требует, чтобы был дан однозначный ответ на вопрос, какая из этих идей является приоритетной для практической политики. А разве не важен для России вопрос о том, сможет ли она сохранить свое единство, опирающееся на численное преобла-

дание русского этноса или же, раскрыв все демократические шлозы она будет вынуждена испытать судьбу Союза?

Противопоставление национальных и демократических ценностей, наметившееся в постимперских государственных образованиях, означает, что сегодня равнодействующая политической эволюции направляется ходом событий и грузом проблем не в сторону демократических режимов, а к авторитаризму. Нередко это противостояние подходит к опасному пределу, однако независимо от того, какая идеологическая позиция — «националов» или «демократов» — возобладает в практической политике, победителям так или иначе придется выбирать между независимостью и демократией.

Иначе говоря, несмотря на демократическую оболочку, в которой совершилась антиимперская августовская революция, реальное поле для практического воплощения демократических лозунгов еще не сформировалось. Освободившимся от имперского ига народам вероятнее всего еще долго придется выбираться из-под обломков тоталитаризма, а путь к подлинной демократии проляжет через ее пока неизбежное ограничение.

История любит драму идей и часто сталкивает друг с другом такие позиции, которые по своей природе принадлежат к одному логическому, интеллектуальному пространству, дополняют и предполагают друг друга. В XIX веке на подобную Голгофу ход событий возвел идеи классического либерализма, противопоставив «политическую эмансипацию и чисто человеческую эмансипацию» (К.Маркс), то есть политическую демократию и социальную справедливость. И хотя в XX веке стало ясно, что они бессмыслимы друг без друга, однако для того, чтобы «царство разума», предсказанное просветителя-

ми, смогло реализоваться в более или менее осязаемую действительность, человечеству пришлось выбирать, — какая из этих идей, свобода или справедливость, является приоритетной для политической практики. Запад предпочел демократическую синицу, мы погнались за журавлем в небе, попытавшись реализовать социальную справедливость без демократии.

За неверный выбор — и в этом мы тоже могли убедиться на своем собственном опыте — история наказывает беспощадно. Она отбрасывает тех, кто ошибся в выборе, далеко назад. И вот мы стоим сейчас перед выбором, который был сделан на Западе не в XIX веке, а намного раньше — в эпоху формирования национальных государств — перед выбором между независимостью и демократией. Делая этот выбор, следовало бы иметь в виду, что попытки «одним махом» осуществить идеал во всей его полноте обречены самой природой исторического времени. В философии и истории хорошо известно, что историческое время — это сосуд с узким горлышком и его нельзя опорожнить в один миг. Те же, кто подобно большевикам пытается разбить донышко хрупкого сосуда, чтобы сразу овладеть его драгоценным содержимым, обрекают себя на неутолимую жажду...

Не приведет ли нас к аналогичному результату попытка сделать немедленный демократический выбор в условиях посттоталитарного общества? Не обернется ли такой выбор не победой, а поражением демократии? Не вернет ли он нас вновь все к тем же имперским рубежам?

Задавая эти вопросы, я думаю, мы касаемся наиболее существенного пункта в позиции сторонников при-

оритета национально-государственного строительства над решением «общедемократических задач». Логика «националов» исходит из не столь уж неверного убеждения, что имперские структуры очень живучи и одной из их сильных сторон является способность облачаться в чешую самых современных и привлекательных идеологий. Вчера это был коммунизм, сегодня имперский дракон, сбросив износившуюся шкуру марксизма-ленинизма, готов примерить демократический костюм, чтобы потом, изнашив, сбросить и его. Нужны ли еще доказательства, если выяснилось, что среди находящихся сегодня у власти российских демократов популярна идея руководства демократизацией в других республиках бывшего Союза? Не так давно из Москвы прозвучали призывы к установлению чрезвычайного положения в «горячих точках» Грузии. Активисты «Демократической России» разворачивают ячейки своей организации в Крыму и в Северной Осетии...

Не по этой ли причине «националы» склоняются к выводу, что до тех пор, пока не достроены бастионы независимости, не создана национальная экономика, не сформирован национально-государственный идентитет, рано и утопично надеяться на демократическую компоненту национально-освободительной революции.

Стоило бы задуматься над этими аргументами и фактами и российским демократам. Ведь именно Россия больше всего пострадала от удушающих объятий имперского дракона, а задачи созидания основ национальной государственности, формирования идентитета являются здесь более сложными, чем где бы то ни было еще.

15.09.91

КАК ГОРБАЧЕВ ЕЛЬЦИНА СПАС

Алексей ПАНКИН

Сегодня только меньшинство не упрекает Президента СССР Горбачева в нерешительности, плохом подборе кадров, не ставит ему условий и не предъявляет требований. Вроде бы для этого есть все основания: общепринято, что Горбачева спасла Россия и теперь он должен платить по счетам. Однако так ли это очевидно? Думаю, можно утверждать, что вклад Горбачева в спасение демократии в роковой для нее час по меньшей мере равен вкладу Ельцина.

Строго говоря, в годы перестройки у Горбачева и демократов был общий противник и общая проблема. Противник — военно-репрессивно-партийная номенклатура — страшный монстр, наложивший лапу на все стороны советской жизни, подмявший под себя общество, экономику, политику и готовый не останавливаться ни перед чем ради самосохранения. Проблема — отсутствие практически осуществимых идей и сил, чтобы с противником справиться. В этих условиях президент и его оппоненты слева вели себя по разному: демократы дразнили и поддразнивали зверя, Горбачев пытался дать ему умереть естественной смертью, следя за тем, чтобы, конвульсируя, он не подавил вокруг себя больше людей, чем это абсолютно неизбежно.

Мне кажется что, борясь с номенклатурным комплексом, многие представители в демократическом движении вели себя не очень грамотно, постоянно совершая самую большую ошибку в политике, — объединяя сво-

их противников, разные отряды номенклатуры, между которыми достаточно противоречий. А в последние месяцы, почувствовав силу, демократы упустили момент, когда номенклатура ощутила внутреннюю неуверенность, стала искать возможности для более или менее приемлемого ухода и когда от нее можно было просто откупиться, как это делали на протяжении своей истории англичане. Демократы продолжили загонять раненого зверя в угол.

Кроме того, трудно отделаться от мысли, что при всех многочисленных рассуждениях демократов об опасности военного переворота и при явных в последний год признаках, что нечто назревает, они как-то не очень серьезно относились к опасности. Как иначе объяснить, что председатель Государственного комитета по оборонным вопросам России был назначен лишь через много месяцев после образования правительства, а сам комитет в этот период подвергался неоднократным реорганизациям, сводившимся, по оценке некоторых его сотрудников, главным образом, к смене пропусков. Не в этом ли причина того, что, по свидетельству военного обозревателя «Независимой газеты», проведшего все три дня в Белом доме, в первые часы обороны царяла такая неразбериха, что захватить огромное здание с легкостью могли несколько взводов мотострелков? А если бы наши путчисты сделали то, что должны были сделать любые грамотные заговорщики, а именно аресто-

вали бы российское руководство на дому, то, скорее всего, все было бы закончено уже к моменту объявления о перевороте по телевидению. Не случайно недостаточная подготовленность российского руководства к нештатным ситуациям — лейтмотив выступлений на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР.

В каком-то смысле, ситуация очень напоминает 1941 год. Тогда тоже все указывало на то, что будет война, но нападение оказалось внезапным, а страна неподготовленной. И, надо отдать должное российским лидерам: как и пятьдесят лет назад, они смогли организовать эффективную оборону все еще удерживаемой территории и перейти в наступление. Главное же, как и в той святой войне, народного президента спасли патриоты и преданность людей.

Впрочем, между двумя историческими эпизодами есть и существенное различие. Тогда нам противостояла великолепно отлаженная военная машина третьего рейха, в этот раз — деморализованная, развалившаяся система, возглавляемая кучкой жалких людей, не сумевших сделать элементарные вещи.

И вот в этом, собственно, мне и видится спасительная миссия Горбачева. Ни на каком этапе перестройки он не имел сил для генерального сражения с номенклатурным комплексом и поэтому, подобно Кутузову, каким его представлял себе Лев Толстой, тянул время, заманивал противника вглубь территории и предоставлял дело естественному ходу вещей. Он маневрировал, лавировал, шел на компромиссы, раскалывал, одерживал тактические победы и делал тактические уступки. От него требовали решительных действий, а он, как я это себе представляю, видел, что даже простая замена на посту министра обороны одного маршала на другого такого же грозит разрушить

тот невероятно хрупкий баланс сил и интересов, благодаря которому нервничающая военная верхушка хоть как-то терпит и его самого, и демократические безобразия, да еще и отступает.

В последний год свалившееся на него бремя стало просто нечеловечески тяжелым. Давление номенклатуры, все большее узвляемой демократами, многократно возрастало; при этом от Горбачева отвернулись и стали оплевывать его интеллигенты, мнением которых он почему-то дорожил, на каждом шагу его «подставляли» республиканские лидеры. Судя по всему, Президент СССР уже не контролировал ни партию, ни армию, ни КГБ, ни МВД, ни ситуацию в стране. Он суетился, ошибался, делал глупости, демонстрировал некомпетентность, предавал. И тем не менее, когда доходило до окончательных разборок, именно он каким-то непостижимым образом оказывался хозяином положения. Разбушевавшееся партийное руководство вдруг рабски выполняло команду «к ногам» и почти единодушно голосовало за Горбачева. Вице-президентом становился в той ситуации лучший из худших; ненавидимый демократами и презираемый армией Язов сохранял пост министра обороны, хотя на него претендовали куда более энергичные и популярные в войсках люди. Невзлетым оставался литовский парламент, а во время февральских митингов в Москве, когда, по всему судя, на толпу уже должны были пойти танки, все ограничилось военными грузовиками, перегородившими улицы. А время шло, комплекс разлагался, и демократы получали все новые и новые отсрочки для собирания сил.

И когда номенклатура все же решилась, а демократия так и не успела накопить достаточно сил, чтобы в принципе исключить возможность переворота, тут-то и обнаружился

подлинный триумф линии Горбачева. Военно-бюрократическая гора, раздавившая не одну страну и пролившая океаны крови, в последний, решающий для себя момент родила даже не мышь, а тараканишку. Об этом не мешает помнить сегодня, в разгар ликования по поводу победы демократии. А то, глядишь, шмыгающий носом бонвиван Геннадий Иванович Янаев еще чего доброго вырастет до размеров былинного злодея. На самом же деле молодую демократию спасло почти исключительно то, что Горбачев как будто по какому-то наитию свыше окружил себя ничтожествами.

Конечно, это страшно неприятный и унижительный для самолюбия народа путь, и оплачен он большой ценой. Но, похоже, при том состоянии общества, которое досталось Горбачеву в 1985 году, при всей невыносимой сложности дремавших в нем конфликтов, при отсутствии знания о са-

мом себе, при неразвитости социальной структуры и тотальной люмпенизации, при абсурдной экономической системе, этот дурацкий путь был куда более безболезненным, бескровным и, в конечном счете, безопасным для нас и для человечества, чем любой другой, более прямой.

И вот ведь как получилось: едва этот «нерешительный», «вечно колеблющийся», непопулярный Президент перестал быть первым человеком в стране, как моментально пошла неконтролируемая реакция распада, и вот уже на полном серьезе звучат слова о территориальных претензиях к сопредельным республикам. И наших решительных лидеров не останавливает даже то, что на глазах разворачивается кровавая трагедия распада другой многонациональной социалистической федерации — Югославии.

Поистине: нет пророка в своем отечестве.

ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Симон КОРДОНСКИЙ

До тех пор, пока сохранялся Советский Союз, была призрачная надежда на то, что возможно некое центральное решение или действие, которое позволило бы обмануть историю и избежать человеческих трагедий, неизбежно сопряженных с процессами развала империи и перехода от административного рынка к просто ры-

ночным отношениям. Эта надежда исчезла 19 августа 1991 года, когда руководители ВПК, решившись на чрезвычайные меры для сохранения привычного экономического и политического пространства, включили последовательность событий, разнесших гигантское государство.

Остатки рухнувшего социализма не

исчезли в мировом пространстве, они загромаждают шестую часть суши. Свойства обломков во многом ограничивают возможности будущего строительства. Для начала надо хотя бы разобраться, что же осталось в наследство.

ОБЛОМКИ ГОСУДАРСТВА

СССР развалился не на произвольные куски. Государства, возникающие на его территории, представляют собой преобразованные в минимальной степени формы его территориально-административных единиц. Они во многом наследуют и воспроизводят свойства СССР как целого. В них сохраняется административная система управления производством, хотя предприятия отчуждены от СССР и принадлежат республиканским правительствам. Сами предприятия и организации — советские по сути: внутренняя структура отношений в них ориентированы не на производство, а на управление им.

Для новых государств характерно стремление отгородиться от своего ставшего внешним социалистического окружения, опустить если не железный, то таможенный занавес и попытка решить внутренние проблемы, связанные с низким уровнем потребления, за счет экспорта сырья и импорта потребительских товаров из стран с нормальной экономикой. Однако необходимость мобилизации ресурсов для экспорта в свою очередь предполагает сохранение или даже ужесточение социалистических государственных и экономических инструментов.

Имперские репрессивные структуры при распаде СССР распределяются по новым государствам. В каждом из них формируются свои советские (или антисоветские) армии, национальные гвардии, службы внутренней безопасности и внешней разведки, ко-

торые уже (Грузия, Молдова, Азербайджан) используются для устрашения внутренних и внешних врагов. В роли врагов теперь выступают коммунисты, националисты и правительства соседних государств — бывших социалистических республик.

В ближайшее время шестая часть суши будет, наверное, представлять совокупность внутренне конфликтных и внешне агрессивных государств, вступающих в виртуальные союзы и конфликтующих между собой за продовольственную помощь и инвестиции из стран первого и третьего мира. Каждое государство будет стремиться экспортировать сырье, полуфабрикаты и рабочую силу на мировой рынок, где в результате может нарушиться складывавшийся десятилетиями баланс между производителями и потребителями, между поставщиками сырья и его переработчиками.

Для защиты мирового рынка от этой напасти развитые страны вынуждены будут объединиться в закрытые для проникновения со стороны новых государств экономические системы и выстроить где таможенные, а где — военно-политические полупроницаемые барьеры, отфильтровывающие потребные им экспортные товары от того, что попытается вместе с ними пересечь границы: от беженцев, болезней, криминальных товаров и социалистических идей.

Дробление административного пространства бывшего СССР вряд ли остановится на формировании полутора десятков политически независимых и экономически мощных государств. Ведь в каждом из них будет воспроизводиться социально-политическая система исчезнувшей империи, пусть даже в зеркальном отражении. Области, края и районы этих государств будут стремиться к политической самостоятельности от метрополии точно так же, как сами эти госу-

дарства стремились к независимости от СССР. Вполне возможно, что распад каждого из этих новых государств на его еще меньшие подобия будет происходить по такой же схеме, что и распад СССР. Какие-то наиболее активные регионы смогут противопоставиться и выделиться хотя бы атрибутивно (как это сделали прибалтийские республики), но в целом отдельные регионы будут удерживаться вместе военным принуждением до тех пор, пока удачные или неудачные попытки военных переворотов не сломают объединяющие их структуры управления.

Военный переворот в геополитическом пространстве бывшего СССР теперь стал невозможен, однако резко возросла вероятность локальных военных переворотов в масштабе бывших республик, краев и областей. Можно предположить, что вскоре «полковники Ивановы» начнут наводить порядок «в отделе взятых» регионах рухнувшей империи. Начавшийся процесс создания национальных гвардий и формирования собственных региональных вооруженных сил и органов безопасности создаст тепличную атмосферу для военных авантюров.

Пограничные конфликты между этнически разнородными регионами, обзаведшимися национальными гвардиями и армиями, могут стать повседневной реальностью. Отсутствие третьей стороны и имперской армии, которое как-то сдерживало военные действия в Нагорном Карабахе, может стимулировать переход пограничных конфликтов в обычные войны, где не будет победителей, и которые медленно и верно будут перерастать в локальные гражданские войны.

В этнически более однородных регионах примеры локальных войн будут выступать сдерживающим фактором и стимулировать невоенные спо-

собы разрешения конфликтов. Внутри каждого государства будут в той или иной степени воспроизводиться административные способы организации производства и распределения, в то время как в отношениях между государствами, наследующими СССР, будут формироваться вполне рыночные отношения со всеми полагающимися институтами рыночной экономики, поддерживаемые мировой экономической системой. Рыночная инфраструктура на территории бывшего СССР возникнет в отношениях между новыми государствами, но не в самих государствах. В конечном счете — лет через 30 — экономические институты межгосударственных отношений станут доминировать над государственными экономикой, что создаст условия для относительной политической стабильности и формирования демократии как образа жизни и образа мышления. К тому же за несколько десятилетий вымрет подавляющее большинство представителей гомо советicus, граждан СССР, и Евразия будет заселена менее амбициозными людьми.

ОБЛОМКИ ОБЩЕСТВА

Социалистическое государство является только внешним, хотя и необходимым атрибутом существования его граждан. Эта отчужденная и противопоставленная людям совокупность отношений между ними поддерживается и стимулируется к воспроизводству самими людьми, их потребностями в еде, воде и крыше над головой. Людям достаточно хотеть жить. Этого хватает, чтобы социализм воспроизводился вместе со всеми своими прелестями.

Социалистическое государство сильно со своими гражданами, связывающими с ним удовлетворение своих потребностей и рассматривающими государственные институты как кор-

мушки. Государство взвалило на себя бремя удовлетворения потребностей и разрывается в служении своим гражданам, в стремлении наполнить кормушки пайковым довольствием. Ради удовлетворения пайковых потребностей и достижения «социальной справедливости» оно испоганило своих граждан, отношения между ними, природу, из которой выкачивается все, что можно обменять на бытовую мелочевку цивилизаций Запада.

Государство все семьдесят четыре года своего существования боролось с людьми и требовало, чтобы они привели свои потребности в соответствие с его возможностями. Противопоставленность и в то же время взаимодополняемость социалистического государства и советского общества обеспечивали стабильность системы в целом и развитие ее в тех направлениях, которые не противоречили идеологии социального равенства и социалистической справедливости.

Однако стабильность и развитие были возможны только на огромной базе природных и человеческих ресурсов, которые система уничтожала самым фактом своего существования и воспроизводства. Исчерпание ресурсов породило внутреннее напряжение, для разрешения которого потребовалась перестройка отношений между государством и обществом, между людьми. Репрессивное направление перестройки, связанное с именем Андропова, предполагало изменение людей и общества для воспитания правильных потребностей. Направление перестройки, связанное с именем Яковлева, предполагало изменение государства для того, чтобы оно могло удовлетворить потребности воспитанных им граждан. Оба направления перестройки на первых порах объединяло неприятие государства и признание его несовершенства.

Перестройка стала деятельностью

старых людей, ставших новыми политиками. Все без исключения шестидесятники, независимо от их политических ориентаций, остаются государственниками. Их усилия направлялись и направляются на строительство нового государства, которое они рассматривают как набор инструментов для удовлетворения потребностей (прежде всего своих собственных), а не как институт, обеспечивающий правовую основу для удовлетворения потребностей.

Десять лет периодически сменялись у государственного кормила «андроповцы» и «яковлевцы». Их совместные усилия привели к крушению империи, хотя это не входило в их планы.

Другие поколения и группы советских людей не столь зависимы от национально-государственных переживаний и ценностей, как шестидесятники и патриоты. Однако они зависимы от государства как среды обитания. Обычные советские люди рассматривают государство как субстрат жизнедеятельности, паразитируя на котором можно удовлетворять свои не очень развитые потребности. Они заинтересованы в сохранении субстрата и будут стремиться воспроизводить его в новом государственном обликии.

ОБЛОМКИ ОБЩЕСТВА НА ОБЛОМКАХ ГОСУДАРСТВА

Радикальное искоренение «советскости и социалистичности», которое начато практически во всех независимых государствах бывшего СССР, на практике будет означать уничтожение тех форм общественной самоорганизации, которые позволяли людям выживать при социализме, как и многих формальных, как кажется, институтов, которые тем не менее обеспечивали координацию действий и согла-

сование интересов разных социальных групп. Авторитарные режимы, которые постепенно устанавливаются в регионах, в первую очередь разрушат институты общественного выражения, известные как теневая экономика, блат и коррупция. В государствах, где к руководству пришли «сторонники перестройки», «демократы», «прогрессивно мыслящие политики», очень скоро нельзя будет жить. Граждане этих государств вынуждены будут переходить от симбиоза с государственными институтами или паразитирования на них к поиску самостоятельных средств к существованию. Конечно, часть граждан найдет себя в новых государственных организациях, в армиях, службах безопасности и национальных гвардиях, где обеспечит себе пропитание прямым или

косвенным грабежом внутренних и внешних врагов. Однако другие займутся тем, чем испокон веков занимались люди — производством и торговлей. Третьи — те, кто выбит или в ближайшее время будет выбит со своего места у государственной кормушки, — пойдут искать место под солнцем в другие регионы страны, в другие страны или включатся в массовые популистские движения, которые время от времени будут прорываться голодными бунтами, восстаниями или походами на столицы. Борьба между наследниками социалистического мироустройства и людьми, пытающимися жить результатами своего собственного труда, составит следующий этап нашей вынужденной общей истории.

(Окончание со стр. 29)

всего игрового поля в заведомо неблагоприятный для них момент, когда они уже успеют взять на себя ответственность, но сделать ничего не успеют.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ. Игра против Горбачева и «обновлеческой» номенклатуры Лукьянова и Янаева со стороны новой номенклатуры, идущей к власти со снятой маской: нормальный капитализм, без социалистических реверансов, или, по крайней мере, почти без них (бюрократический капитализм). Интересы бюрократического (номенклатурного) капитала (борющегося и с коммунистами, и с «теневиками») как экономисты представляют Вольский и Явлинский, как политики — Яковлев и Шеварднадзе.

В этом случае игра идет и против Горбачева, и против Ельцина, но последовательно. Первая жертва — Гор-

бачев, вторая — Ельцин. Номенклатура второго эшелона рано или поздно должна будет столкнуться с радикальной демократией, стоящей за Ельциным, и вряд ли она намерена проигрывать эту игру. В остальном третий сценарий сильно похож на первый.

В любом случае нас ожидает отнюдь не пир победителей. Та борьба, которая шла до сих пор между так называемыми коммунистами и всем демократическим фронтом сменится новой, внешне более пристойной, а внутренне гораздо более жесткой борьбой между очередным эшелоном номенклатуры и радикалами. Первый акт окончен. И кое-кто был вынужден снять маски. Что ж, таковы законы игры. Но начинается второй акт.

За штурмом Бастилии идет штурм Тюильри, а на смену Жиронде неизменно приходит Гора со своей гильотиной.

ПРОИГРАВШИЕ?

(«ПРАВЫЕ» И «ЛЕВЫЕ» ИДЕОЛОГИ НА АВГУСТОВСКОМ ПЕРЕЛОМЕ)

Проигравшие. Трудно припомнить, когда государственники были проигравшими. Разве что в семнадцатом году. Еще труднее вспомнить, когда победителем оказывалась либеральная интеллигенция. Пожалуй что — никогда.

История, однако, показывает, что либерализм никогда не побеждает как результат революции: диктат большинства либеральному мышлению так же чужд, как и безраздельное господство власти. И тогда, в семнадцатом, хотя проиграли имперские государственники, но победили-то отнюдь не либералы...

Интеллигенция победившая — в известном смысле хуже интеллигенции проигравшей. Интеллигенция, выигравшая революцию, вообще кажется нонсенсом. Она просто перестает быть таковой в тот самый момент, как только из культурной элиты она превращается в политический истеблишмент, в новый «новый класс». Часть нашей демократической интеллигенции сегодня явно предпочла соучастие во власти роли культурной элиты. Но победы в августе экачеписты, тот же выбор наверняка сделали бы их оппоненты — «почвенники», «патриоты», «новые правые». Увы, искушение властью — непосильное, похоже, бремя для советского интеллигента, который ведь и сам во многом продукт этой власти.

Проигравшие. А кто, собственно, проиграл? Проханов? Кургинян? Распутин? Да, интеллектуалы проиграли ими же рожденные мифы. И все же мифы — лишь идеологическая накачка реальных социальных групп и структур. Однако похожи ли на «проигравших» сами эти структуры — по крайней мере, их наиболее мобильная, модернизированная часть, давно уже пошедшая за Ельциным и Назарбаевым?...

Иная судьба у «социалистической левой», для которой вся августовская сшибка была «чужой игрой». Ее положение идеологического гетто — и в обществе, и в интеллигенции — вряд ли изменилось бы в случае победы экачепистов. Ибо в герметическом мире гетто можно веками исповедовать любую, даже экзотическую, ортодоксию — и жизнь никогда не сможет вмешаться в этот напряженный процесс талмудических интерпретаций, изменить их лексику, конструкции, ценности.

Однако стоящие часы дважды в сутки показывают правильное время. И для социалистов, кажется, сейчас может наступить тот звездный час, когда само неучастие в реальной политической игре придаст уникальную привлекательность их ожесточенной критике («неомонополистического авторитаризма», бюрократической приватизации, проповеди социальных гарантий и защите демократических принципов — против новых властей.

Количество грязи вокруг новой власти на всех уровнях стремительно растет. Стихия же «левых» — критика власти, «разгребание грязи». И если мужество им не изменит — они выполнят вполне необходимую для общества работу.

Конечно же, они опять проиграют, проиграют власть и влияние. Ибо реальная политика — это реальная власть и реальная грязь, чистой же может быть лишь критика. По-настоящему она возможна лишь для аутсайдеров. Справа и слева.

Но проигрывая власть, не выигрывают ли они что-то другое, чего лишены вынужденные месить грязь победители?

А. Н., А. Ф.

«ИДЕОЛОГИИ «НОВЫХ ПРАВЫХ» ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ВЫВЕСТИ ТАНКИ НА УЛИЦЫ»,

— считает редактор газеты «День» Александр ПРОХАНОВ.
Беседу с ним ведет внештатный сотрудник журнала
Андрей НОВИКОВ

А. Н. Во время августовского путча вы поддержали введение чрезвычайного положения. Что-нибудь изменилось в вашей оценке?

А. П. Тогда я говорил не столько о действиях ГКЧП, сколько о некоей инвариантности сегодняшнего положения вещей. Если введение чрезвычайного

положения способствует сохранению сверхдержавы, гражданского мира, сохранению веками выработанных констант, то это благо. Путч в августе — крохотный эпизод гигантских процессов. Если на одной стороне весов огромный, населенный народами континент, а на дру-

гой — три дня загадочной фантазматологии, то, конечно же, внимание должно быть привлечено к левой чаше, а не к этой дурацкой и быстропроходящей правой. Поскольку путч не удался, удался другой процесс, контрпроцесс. Все, что хотела противоположная сторона, все, чего добивалась демократическая реформистская плеяда, свершилось. Их можно поздравить, они победили. Они добились разрушения Империи, уже второй раз за это столетие, они добились полного разрушения всех потенциалов — экономического, морального, территориального. Они вычеркнули нас из истории. Огромная группировка народов лишена истории. Мы все обречены на мучительно долгое самоедство. Мы проиграли весь XX век, а может быть, и XXI — тоже. Их можно поздравить с крупнейшей стратегической победой. Все, к чему стремилось традиционное русское сознание еще с древности, от Калиты, включая последних выродившихся государственных мужей, сознание утомленное, искривленное, деморализованное шестилетней перестройкой, — все это рухнуло. Возможно будут рецидивы, попытки восстановления. Но в целом победила концепция Елены Боннэр. Елена Боннэр становится крупнейшим политическим деятелем современной России, она становится геополитиком, формирует количество государств, которые должны развиваться на территории современной России. Она формирует идеологию, которую мы должны будем исповедовать в ближайшие сто лет. Она формирует кабинеты, она формирует формы и способы отношений русских с Западом. Сегодняшняя «постперестройка» — по существу, крупнейшая стратегическая, может быть, даже космическая победа Елены Боннэр.

Под «Еленой Боннэр» я понимаю форму мышления, ту концепцию раз-

рушения сверхдержав и сверхструктур, которая ныне возобладала и которая будет крушить и дробить нас до молекулярного уровня, до трухи, до пудры. Новая «Правда» открыла свое шествие передовицей Елены Боннэр, — что может быть смешнее?

А. Н. Среди многих наблюдателей ходит ошибочное, на мой взгляд, мнение, будто путч в августе был устроен той самой «третьей силой», теми «новыми правыми», о которых столько говорили в последние месяцы: кто с надеждой, кто с опасением. Мне, однако, представляется, что переворот больше олицетворялся «первой силой», иными словами партократическими кругами. Хотя «третья сила», по-видимому, испытала на себе колоссальный удар после провала путча.

А. П. Вы абсолютно правы. Путч в августе был устроен людьми структур. То есть «новые правые», на которых сейчас пытаются списать путч, конечно же, не могли его организовать, потому что «новая правая» — так, как она пытается сейчас выползти из-под обломков переворота — настолько идеалистична, настолько неструктурирована, настолько лабораторна (под формализованными фрагментами этой идеологии нет еще человеческих масс), — что эта идеология не могла овладеть по-настоящему не только структурами, которые вытаскивали танки на улицы, но даже и народом.

Этой идеологии еще предстоит сформироваться, отработать свой русский вариант, ей еще предстоит адаптироваться к структурам. Фигурально говоря, идеологии «новой правой» еще предстоит вывести танки на улицы.

А. Н. Существует мнение, что «новых правых» в действительности в социуме нет, что это чисто мыслительная конструкция таких интеллектуалов, как Проханов. В жизни,

в Армии есть «старые правые» — те, кто отвергает не только демократию, но и принципы рыночной экономики и многое другое из того, что отвергать сегодня уже невозможно. Именно поэтому у правых нет будущего.

А. П. Я думаю, что у «новых правых» в нашей стране блестящий плацдарм. Эта идеология, которая будет разрабатываться лабораторно, в кружках, в салонах, должна иметь целую иерархию субидеологий, через которые она сольется в движение. «Старые правые» больше никогда не вернуться. Осколки «старых правых», их часть, волеется в патриотическое движение, занимая в нем достаточно низкие иерархии, а другая часть, возможно, попытается сформироваться как партия социальной справедливости, как партия материальных (не духовных, а именно материальных) интересов народа. Что же касается геории национального возрождения, то это теория «новых правых»

А. Н. Известно, что под «правыми» и «левыми» у нас и на Западе подразумеваются вещи диаметрально противоположные. Консерватизм там антитеза революциям, но никак не реформам. С моей точки зрения, консерватор — не тот, кто встает на пути прогресса, а тот, кто вместо максимальной, экстремальной формулы развития выбирает оптимальную. Ваш же «консерватизм» больше похож на фундаментализм, где прошлое, история, выступают самодовлеющими ценностями. Мне хотелось бы выяснить вопрос, который менястораживает в «новых правых», в их ценностной ориентации: это их отношение к либеральным ценностям.

А. П. Это разные иерархии. Что такое «новые правые» во Франции, что эти люди? Это — западные почвенники, которые апеллируют к пракультурам, к Юнгу, к материкам, к космизму, к первородности глубинных

фундаментальных основ природы, человеческого сознания, к идее государства. По существу они — мистики, во многом даже неорелигиозное движение, которое имеет свою политическую проекцию. И в этом смысле русские евразийцы, которые аперировали огромными геополитическими организациями, расовыми концепциями, пракультурами, то есть всем тем, чем оперирует философия истории, философия религии, очень похожи на западных почвенников. Вот здесь ядро представлений, ядро идеологии «новых правых».

Что касается либерализма, то в своем конкретном проявлении это — либеральная экономика, это примат финансового, меркантильного успеха. В сущности, это — техносфера, последующий надприродный слой, это новые формы организации жизни, неприродные и даже контприродные. В общем, это формы технотронной обработки человеческого материала и культурных констант. Либерализм — это одна из форм материализма.

А русский либерализм — это русское земство. С моей точки зрения, типичным русским либералом является Распутин. Ему страшновата идея сверхгосударства. Наш либерал — это русский человек, пытающийся политически оформиться в земстве. Таким же выразителем земского сознания является Астафьев. В русской почве нет противоречий между русским земством, русскими государственниками и русскими эзотериками.

А. Н. Однако либерализм — не только экономика, это еще и права человека, данные ему, человеку, от Бога...

А. П. Да нет таких прав. Бог не наделил человека правами. Бог наделил человека десятью заповедями, ни одна из которых не подтверждает Хартию о правах человека. Бог принуждает человека к смирению, к страху

Божему и к тому, чтобы не сделать ближнему Зла. Все проблемы взаимоотношений людей друг с другом упираются в проблему отношения человека с Богом. Поэтому никакой гуманистической разработки Божьих заповедей не существует.

А. Н. Вернемся к политике. Мне хотелось бы поговорить с вами о проблемах переходного периода. В вашей газете «День» можно нередко встретить высказывания военных, которые говорят о том, что Армия должна заняться решением внутривнутриполитических проблем, да и вы год тому назад в своих «Заметках консерватора» писали: «Армия — не слепая функция власти. Сегодня она должна иметь политическую волю». Не кажется ли вам, что это — очень опасное унастроение? Ведь одно дело — авторитарный режим на законной основе, через президентское правление, и совсем другое — самодеятельность Вооруженных Сил.

А. Н. Поскольку Армия сегодня представлена в парламенте, поскольку она вышла на политический дисплей, она уже является политической силой. Это не прохановская идея, это реальность — Армия как фактор политики.

Я тоже был бы рад, если бы переключение с одного регистра на другой в нашей истории произошло с помощью ангелов. Ангелов, а не политических даже сил! И не дай Бог, там окажется хоть один капрал. Но где вы возьмете политические институты? Политические институты, которые действовали в течение последних шести лет, как раз и являются тем самым разрушительным инструментом, который затолкал всех нас в пропасть. Эти группы необразованных, вульгарных, пугливых, честолюбивых, меркантильных, психопатологических парламентариев, которые блестяще управляют микроколлективами. Говорить о каких-либо полити-

ческих силах в положительном смысле — абсурд. Я был бы готов признать партию национальных интересов, президентскую партию. Таковая есть во всех нормальных обществах. Но наш Президент разгромил свою партию, у него нет инструмента воздействия на публику. Поэтому единственным инструментом, которым можно еще воздействовать на разрушающийся мир, является Армия. Если вы знакомы с теорией переходного периода (а опытов перехода существует множество — и в Европе, и в Азии), везде стабилизирующей силой при переходе от одного состояния в другое была Армия. Чем вы замените Армию в тайваньском варианте, в турецком варианте, филиппинском варианте?

А. Н. В отличие от Чили или Тайваня, мы — не просто очень большая, а многонациональная страна. В мононациональном пространстве Армия еще может выступать под общенациональным флагом. Но в нашей стране, и это очевидно, Армия неизбежно будет восприниматься как «внутренний оккупант». Такой переход не будет легитимным, он органически отторгнется обществом.

А. П. Пожалуйста. Устраним Армию с политической арены. Кто нам будет обеспечивать интегральную силу? Дервиши, муллы, православные священники, гангстеры? В этой огромной, разбуженной, смердящей Империи — кто?

А. Н. Честно сказать, я не вижу такой интегральной силы...

А. П. Это Армия! Чрезвычайное положение будет введено! Будет введено обязательно! Оно будет введено так, как оно вводилось в отдельных регионах и республиках. Так, как пытался его ввести ГКЧП. Все, даже либералы говорят сейчас о том, что чрезвычайное положение неизбежно. И такое положение будет осуществляться силами Армии. Армии плюс mass

media, которые будут тотально обрабатывать мозги своим согражданам.

А.Н. Но ведь есть еще политическая полиция, КГБ...

А.П. Когда я говорю «Армия», я имею в виду КГБ. У КГБ нет достаточных мощностей, чтобы действовать в одиночку. Армия плюс КГБ.

Политический академический романтизм — милое дело, но я не вижу другого пути, как Ельцин сможет овладеть хотя бы Россией, не вводя в игру армейские корпуса. Если он не овладеет Армией, то он не овладеет Россией.

А.Н. В последнее время я часто задумываюсь о существующем в нашем обществе потенциале экстремизма, о его политических носителях и прихожу к парадоксальному выводу. Не только так называемые «левые» радикалы, но и «правые» пумсируют и проявляют себя в экстремальной фазе, не оставляющей никакой надежды на компромисс, на консенсус, на гражданский мир. Самое страшное — даже отдельные государственные структуры (Рижский ОМОН, группировки в Вооруженных Силах) становятся источником экстремистских действий. Иногда кажется, что они не подчиняются никаким политическим силам, действуют по собственной логике.

А.П. Правый или левый экстремизм не имеет сегодня уже никакого значения. Противоречия, заложенные в реальности, за последние шесть лет не уменьшились, как нам обещали (нам говорили: стоило эти противоречия вывести на поверхность, как они самоорганизуются, будут сняты игрой свободных сил), а обострились. Они не только не были сняты, каждое из этих противоречий набрякло страшным потенциалом, появились еще десятки, тысячи центров противоречий. Все эти центры противоречий, находятся в постоянном изнури-

тельном взаимодействии, приобрели взрывной характер, и формой снятия их является Насилие.

Что такое экстремизм? Это — форма отчаяния. Есть левый экстремизм, есть экстремизм правый, есть экстремизм священников, есть экстремизм крестьян, которые не будут отдавать хлеб, есть экстремизм зверей, которых перестанут кормить, и тараканов, которые не будут находить пищу. В отчаянии используются крайние меры, меры насилия. Если противоречия не снимаются годами, десятилетиями, то под этими противоречиями зреет огромный потенциал сопротивления, который охватывает целые группы людей, включенные в эти противоречия, и все это, в конечном счете, выливается в разные формы восстания. Поэтому и разрушена Империя. Империю разрушили гигантские накопленные противоречия, они взорвали ее и по этническим признакам, и по религиозным, и по возрастным, и по социальным. Эти противоречия будут сняты только в результате истребительной войны. Второй гражданской войны в истории СССР, в которой будет израсходована социальная энергия нации.

Экстремизм — это норма наших дней. Вы посмотрите, что делается в церкви: захват приходов, униатов. Взбесившиеся приходы, все ненавидят всех. Поэтому проблема левого и правого экстремизма снята экстремизмом всех против всех. Это и есть катастрофа.

А.Н. В августе, незадолго до переворота, я прочитал в «Независимой газете» ваше интервью. Меня удивило, что вы, государственный, призываете к непосредственному народному волеизъявлению, к восстанию, к созданию каких-то отрядов самообороны...

А.П. Это от отчаяния. Я видел, что государственные структуры уже не действуют. Земство ничем не защи-

щено, ни милицией, ни экономическими структурами. У земства нет никакого другого средства, кроме как взяться за самообеспечение. Это есть форма распада на уделы, это уже постудельный распад.

А. Н. Хаос, вызванный мятежом, продолжает возрастать. Что вы думаете о перспективе? Как вам салют у Белого дома: сможет ли он осветить темные улицы городов и согреть холодные квартиры в предстоящую зиму?

А. П. У меня ощущение беспросветности. Я думаю, что Ельцин получил во владение абсолютно разрушенную страну. Его реакцией скорее всего будет чрезвычайное положение. Однако

сработает ли теперь чрезвычайное положение, удастся ему набросить намордник на взбесившуюся страну — для меня это вопрос.

То чрезвычайное положение, которое было введено с 1917 по 1953-й год, было брошено все-таки на израсходованный народ. У народа были возможности его терпеть. В результате этого и возникли индустрия, космос, научная интеллигенция. Второй раз такой намордник набросить не удастся. Когда надсмотрщик войдет внутрь камеры, чтобы заставить народ работать, он не обнаружит там никого. Народ не вынесет. Не потому, что он будет сопротивляться, нет, он тихо-тихо умрет.

«Я — ИДЕОЛОГ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ»

Сергей КУРГИНЯН

1

Я — идеолог чрезвычайного положения, я им был, я им остаюсь, я им буду. Как идеолог смотрю на происходящее и понимаю, что был глубоко не прав. Горько за потерянные три года. За бесплодные попытки привить интеллект тем структурам, которые не способны ни на что, кроме вялого интриганства или тупого насилия. КПСС больше не существует. Юридически это вопиющий акт беззакония. А практически, политически — благо. Хотя бы потому, что геперь есть место для создания новых политических структур, таких, которые не станут подменять разработку идеологии, концептологии, новых оргструктур карикатурным катаньем

на танках. Обидно, противно. Такое чувство, будто тебе плюнули в лицо. И выйти из партии — тоже нельзя. Я остаюсь членом КПСС. То ли распущенной, то ли распускаемой, то ли реорганизуемой, и в любом случае — преследуемой. Остаюсь только потому, что ей плохо. Но я не верю в политические возможности этой структуры. Не верю в этот человеческий материал. Строить надо все заново.

Путч показал, что невозможно изнасиловать общество, сложившееся за семьдесят лет, согласно очередному «идеальному плану». Можно только трансформировать это общество, исходя из понимания его природы и своих целей.

В 1988 году мы говорили о чре-

звычайном положении в отдельных точках страны. Тогда это могло предотвратить большую кровь. Нас не послушали. В 1989 — это положение уже нужно было вводить в целых регионах. И это тоже могло спасти от худшего.

В 1990 — можно было уже вводить ЧП только на всей территории страны. Тогда это бы помогло. Этим можно было бы защитить хоть что-то из позитивного, что общество наработало, начиная с 1985 года. Оставался еще хоть какой-то шанс спасти гонимый интеллектуальный слой хотя бы для будущего, сохранить хоть какой-то правовой режим, вместо тотального беззакония, а главное — спасти государство и направить общество на некатастрофический путь развития.

Сейчас уже поздно. И дело не только в ГКЧП. Поздно было уже до этого. Масса данных говорит о том, что системный кризис стал необратимым с апреля 1991 года. Сейчас возможен только управляемый распад государства и воссоздание нового, а тормозить распад СССР сегодня бессмысленно. И даже вредно. Вне зависимости от того, идет ли речь о лавировании Горбачева или о пресловутом ГКЧП. После ГКЧП даже этот сценарий управляемого распада затруднен до предела. Лишь по ту сторону катастрофы может начаться новая жизнь. Конечно, если удастся минимизировать ее масштабы, хоть как-то локализовать ее. Чрезвычайное положение — сложнейшая вещь. Вопрос не только в конституционности. Она должна быть соблюдена категорически и безусловно. И здесь нет оправдания тому, что произошло. Но есть ведь и еще компоненты, делающие ЧП сегодня, к несчастью, нерезализуемым. Это вопрос об идеологии ЧП, о типе реформ, проводимых с помощью ЧП, об оргструктурах, ресурсах, оргпроектах, крупных политичес-

ких структурах, пользующихся серьезным авторитетом равномерно по всей территории страны, а не о тривиальных управленческих решениях... всего не перечислишь. Этого нет и не было.

Введя чрезвычайное положение и хоть как-то блокировав сами разрушительные процессы, мы можем потом смиренно начать движение к медленному, постепенному воскресению из небытия государства и общества. В этом состояла, состоит и будет состоять моя вера, мой план, мой замысел спасения страны. Не скрывал и не скрываю, и напротив, сегодня настаиваю на нем, как никогда ранее. Но не надо путать этот Божий дар с гнилой яичницей, испеченной 19 августа 1991 года.

Гекачеписты — это люди, попавшие в тяжелую ситуацию. Все, кого я знал, с кем общался, с кем дружил. Ни от кого из них не отрекись, ни об одном из них не скажу дурного слова. Мертвым, да будет пухом земля! Живым — да будет сострадание и понимание!

2

Я знал нескольких квазипутчистов. Заявляю, что все эти люди (те, кого знал) были людьми Горбачева, в полном и завершеном смысле этого слова. Он не ошибся в выборе: они были преданы ему беспредельно, смотрели ему в рот, молились на него и на каждом шагу пытались воплотить его новые замыслы, то есть сделать невыполнимое.

Самым умным из них был, безусловно, Прокофьев. Я не верю, что он мог позволить втянуть себя в эту глупую авантюру. Считал и считаю его талантливейшим и умнейшим из тех, кто занимал высокое место в партии. Человек честный, заинтересованный в деле, искренний, не надутый, знающий толк в политических шахматах,

— что мог он выиграть в этой затее? Ничего! Был с ним в эти дни, видел как он страдал от происшедшего, как пытался спасти организацию, как переживал крушение своих планов. Перед этим он был поглощен, да, всерьез поглощен будущей организацией и проведением съезда партии. Так не ведут себя люди, замышляющие заговор. Кроме Прокофьева я гораздо поверхностнее знал Павлова. В нем были и решительность, и компетентность. Не было стойкости. Была привычка лавировать, приобретенная за многие годы. И невероятная психологическая зависимость от Горбачева.

Несколько раз я встречался с Шениным. Он произвел на меня большое впечатление своим напором, яростной, перехлестывающей через край энергией, готовностью включиться в любое дело, казавшееся ему стоящим того. Его интересовали проблемы, связанные с техникой, со стратегией прорыва, с новыми идеями. Он глубоко переживал развал оборонной промышленности, всего технологического потенциала страны.

Никто из них не был способен на насилие и убийство. Этим они обрекали себя на поражение. Трудно сказать, понимали ли они это заранее, но что же тогда двигало ими? Убежден, что не личное корыстолюбие. Они были достаточно обеспечены и им были гарантированы уютные места при любом раскладе событий. Убежден, что доминировало чувство отчаяния, безысходности, стыд от того, что государство разваливается на глазах. Для государственного человека то, что происходит сейчас, — это пытка, поскольку он должен видеть развал, отвечать за него и не иметь возможности вмешаться. Сказать, что они сошли с ума, — это значит ничего не сказать, но есть такое понятие — пограничное состояние. И только в нем могли пойти на эту безна-

дежную авантюру подобные люди.

Сегодня мы говорим о государственной измене — но, чтобы иметь право об этом говорить, нужно иметь **государство**.

Мы говорим об измене Родине, но где она, эта Родина? Есть она или нет? И я хотел бы верить, что президент СССР не спит ночами, задавая себе эти вопросы после всего, что случилось. Хотел бы верить, что он способен осознать не только вину этих людей перед ним, но и свою вину перед ними и перед страной.

3

Так называемый переворот, совершенный ГКЧП, абсурден и это наводит на размышления.

Версию о непрофессионализме организаторов путча принять не могу. Кроме того, мы имеем дело не с классическим путчем, когда власть захватывает лихой командир дивизии, а с согласованными совместными действиями людей, занимающих столь высокое положение, что им и не надо было разрабатывать какие-то новые идеи. Достаточно было включить кнопку схем, которые годами разрабатывались в штабах и в отделах наших ведомств, как, впрочем, и любых других ведомств любых других, сколь угодно демократических стран.

Машина не могла не сработать 19 августа. Следовательно, ей просто не дали команду.

Речь идет о **политической акции**, в худшем случае — о политической интриге, а не о захвате власти всерьез. Всерьез власти никто не брал. И не хотел брать. А вот чего хотели, чего добивались, — это вопрос. Информации для точного ответа нет. А вот версии можно сформулировать.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. Имела место акция, согласованная с М.С. Горбачевым. Возможно, об этом договарива-

лись с ним все участники акции, а возможно — только некоторые из них. Тогда понятнее становится самоубийство Пуго, который слишком поздно понял, о чем идет речь. Сейчас эти версия активнейшим образом прорабатывается иностранными средствами массовой информации, советологами, психологами, специалистами из Лэнгли и Рэндкорпорейшн. Я лишь привел ее для того, чтобы опровергнуть. Какие цели мог преследовать Горбачев, пойдя на рискованный шаг? Да, он разрушил КПСС, но ведь КПСС только в воображении Запада и нашего интеллигентного обывателя кому-то чем-то мешала. Это иллюзия, на деле речь шла отчасти о политическом трупe, отчасти о послушном работe. И то и другое нужно было Горбачеву для того, чтобы иметь исполнительскую структуру (робот), и для того, чтобы иметь «мальчика для битья» (труп). Нужна была и свирепая часть парии — чтобы пугать ею демократов и демострировать, как блистательно наш Президент укрощает эту свирепость и как он поэтому необходим демократам. Кто же теряет такой товар из серьезных политиков? По крайней мере не человек уровня Горбачева.

Аналогично об армии, КГБ. Полудохлый генералитет, КГБ, занятый отставанием своих корпоративных целей... Нет, это не враги, а товар для торговли на политическом рынке. И лишив себя этого товара, Горбачев теряет игру. Он теряет ценность в глазах демократов. Остается роль посредника между республиками, но это можно разыгрывать несколько месяцев, не более. Гипотетически цель могла быть лишь одна — приструнить демократов, напугав их командой квазипутчистов и сразу же убрав эту команду. Но почему же тогда сорвалась подобная комбинация?

Ответ может быть лишь один: один из путчистов сыграл двойную игру, сдав все карты Ельцину. Таким человеком мог быть только шеф КГБ.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. Квазипутч представляет собой демарш сильной «правой» структуры, которая двигает вперед буферную, марионеточную группу высших чинов, жертвуя ими ради успеха своих комбинаций. Полагаю, что в среде офицеров армии, КГБ, МВД имеется законспирированная «русская партия», может быть, даже монархическая. Возникает, правда, вопрос: а что же при этом приобрели правые? Ведь вроде бы налицо одни сплошные потери для них. Победа демократии, не правда ли?! В серьезных политических шахматах, лично для меня, однако, очевиден целый ряд стратегических выигравшей «правых».

Во-первых, крушение КПСС. Серьезные «правые» ненавидели КПСС всегда, изначально, понимая всю двусмысленность ее роли. Но особенно люто они ненавидели ее в последний период.

Во-вторых, крушение СССР. Опять же серьезные «правые» всегда считали необходимым восстановление Российской Империи, пусть даже изначально в сколь угодно усеченном варианте. Потом, считали они, можно отвоевать упущенное.

В-третьих, падение М.С. Горбачева и укрепление Б.Н. Ельцина. Ельцин пока что «правых» устраивает. Они к нему присматриваются. Как и он к ним.

В-четвертых, произошла разведка боем.

В-пятых, произошла сдача «левым»

(Окончание на стр. 19)

ПЕРЕВОРОТ 19 АВГУСТА ЗАВЕРШИЛСЯ ПОЛНЫМ УСПЕХОМ

Борис КАГАРЛИЦКИЙ

Это был странный переворот. Когда утром 19 августа телевидение и радио объявили о создании в СССР Государственного комитета по чрезвычайному положению, который позднее кто-то из российских депутатов переименовал по ошибке в комитет по чрезвычайным положениям, все думали, что это серьезно. Но связь и транспорт почему-то работали, солдаты не были вооружены, Ельцин не был арестован. Хотя задним числом события 19 августа назвали коммунистическим путчем, официальные структуры КПСС в нем активной роли не играли, заявления хунты были идеологически нейтральные. Все путчисты были ближайшими соратниками Горбачева. Павлов лично нес ответственность за проводившиеся в стране экономические реформы, а вот активные лидеры сталинистов типа Нины Андреевой или депутата Моссовета Ампилова переворот осудили.

Что же происходило на самом деле?

Недоуменные вопросы возникали у тех, кто находился в Москве и у иностранных наблюдателей, у депутатов Московского Совета и у активистов демократического движения, собравшихся по призыву Ельцина защищать резиденцию российско-

го правительства, знаменитый «Белый дом».

Почему по крайней мере в первые несколько часов ГКЧП вел себя так беспечно и либерально? Ведь для любого переворота первые 5—10 часов являются решающими. Задним числом странное поведение ГКЧП пытаются объяснить некомпетентностью, безалаберностью, неподготовленностью. Но ведь Ельцин утверждал, что переворот готовился почти год. А в составе хунты был глава КГБ Крючков, лично участвовавший в подготовке военного переворота в Польше в декабре 1981 года. Переворота, который был подготовлен и проведен безукоризненно.

У нас каждый школьник, проходивший работу Ленина «Марксизм и восстание», знает в общих чертах, как сделать государственный переворот. Тем более это знали и взрослые дяди из КГБ, которые не только изучали, но и организовали не один переворот в самых разных частях земного шара. И при всех недостатках этого ведомства, трудно ожидать от профессионалов таких элементарных ошибок на каждом шагу.

Прежде всего непонятно, почему ранним утром 19 августа не был занят «Белый дом», не были арестова-

ны Ельцин, Руцкой, Силаев. Для этого у ГКЧП было несколько часов. Если Ельцин узнал о перевороте утром около 8 часов утра, то реально у хунты было около 5 часов, чтобы его арестовать и занять «Белый дом». Но даже после этого они могли элементарно блокировать «Белый дом» и не пустить туда его хозяина, отрезав его от рычагов управления. После того, как Ельцин воцарился в «Белом доме», никто не пытался блокировать его там внутри. Ни телефон, ни электричество отключены не были. Вход и выход были свободные.

Не была блокирована и Манежная площадь, хотя при Горбачеве это делалось, — достаточно вспомнить прошлую весну. Никто не пытался ни блокировать центр города, ни разогнать демонстрации, ни хотя бы провешивать документы.

Странно вело себя контролируемое путчистами телевидение. Зрителям постоянно сообщали о выступлениях Ельцина, о демонстрациях протеста. Обращение Ельцина о забастовке зачитывали в московском метро, которое, подчиняясь приказам ГКЧП, закрылось в 11 часов с введением комендантского часа. Что это — отчаянная смелость работников метрополитена или санкционированное действие?

Самое поразительное, что войска не были вооружены. Не только в бронемашинах не было боекомплекта, но даже у офицеров отобрали патроны к личному оружию, что уже выходит даже за рамки обычных войсковых норм. Не удивительно, что москвичи в большинстве своем отнеслись к путчу с самого начала не очень серьезно: детилезали на танки, люди гуляли по городу, не только не обращая внимания на комендантский час, но и не соблюдая правил уличного движения.

Напрашиваются и вопросы другого порядка: что делал Ельцин утром 19 августа? Неужели не попытался связаться с представителями власти во

прекрасно функционировавшей системе правительственной связи? А если пытался, то с кем и о чем говорил? Почему между началом переворота и публичным появлением царя Бориса в качестве борца против кровавой хунты проходит несколько часов? С Горбачевым тоже не все ясно. Вернувшись из Крыма, президент СССР рассказывал о блокаде своей резиденции, о военных кораблях, которые его охраняли с моря, но очень скоро выяснилось, что президент просто рассказывал публике неправду: очевидцы подтвердили, что ничего особенного вокруг дачи Горбачева на Форосе с 19 по 22 августа не происходило и все, по крайней мере снаружи, шло своим чередом. «Независимая газета» уже обвинила Горби в соучастии в заговоре. Но если замешан президент СССР, то так ли все чисто с президентом России? Ведь Горбачев по крайней мере был на Форосе отрезан от окружающего мира, а Ельцин оскальвался на свободе.

Никто почему-то не задался вопросом о том, что делал в составе хунты Тизяков? Павлов — премьер-министр, Янаев — вице-президент, взявший на себя обязанности главы государства. Крючков, Пуго — руководители репрессивных органов, все это первые лица. А как затесался среди них директор завода Тизяков? Дело в том, что Тизяков — один из заместителей лидера Научно-промышленного Союза Аркадия Вольского. НПС — не просто крупнейшее в стране объединение высших менеджеров, но и организация, поддерживавшая интенсивные контакты одновременно и с группой Ельцина, и с группой Горбачева. НПС, естественно, осудил Тизякова, но... только 22 августа, когда с переворотом все было кончено. Любопытно, что после этого официальная пресса о Тизякове старалась не упоминать, а в хронике переворота, показанной по телевидению, его

почти не было. Легко догадаться, что Вольский сам бы в хунту не вошел — не стал бы мараться, да и риск слишком большой. Но одно место для НПС в хунте было на всякий случай зарезервировано. И политические мосты, связывающие хунту с другими группировками в правящих верхах, тоже.

Новая версия, используемая после 22 августа правящими кругами для объяснения всего этого, сводится к тому, что путчисты просто пытались скопировать переворот 1964 года, убравший Хрущева. Но, увы, об этом ничто не свидетельствует. Путчисты прекрасно понимали разницу между 1964 и 1991 годом, действовали они по совершенно иному сценарию. Не случайно никто даже не попытался срочно собрать ЦК КПСС, снять Горбачева с поста Генерального секретаря, опереться на структуры партии в центре и на местах. Эпидемия странных самоубийств высших должностных лиц, начавшаяся с совершенно удивительного самоубийства Пуго в последний день путча, тоже не может не вызвать подозрения. Ведь самоубийством кончают именно те, кто мог многое знать. И не случайно Крючков в своем телеинтервью после ареста подчеркнул, что его здоровье в полном порядке.

Хорошо осведомленная газета «Коммерсантъ» не скрывает возможности того, что Ельцин был замешан в заговоре. По мнению ее обозревателей, это свидетельствовало бы скорее о мудрости или хитрости Ельцина, который спровоцировал своих противников на эти действия, а затем уничтожил, разом решив все проблемы и покончив с коммунизмом. Но тут же делается оговорка, что в подобной версии путчисты выглядят уж слишком глупыми. Впрочем, если они были столь наивны, что не отключили телефон Ельцина, почему нельзя

допустить, что они могли дать ему себя обмануть?

Ельцин был уверен в успехе. И несомненно он знал, по крайней мере утром 19 августа, что «Белый дом» штурмовать не будут. Призыв к народу явиться защищать «Белый дом» был либо гигантским розыгрышем, либо, если Ельцин в самом деле боялся штурма, откровенной подлостью: безоружная толпа не могла бы остановить штурм. Она могла только бессмысленно погибнуть под гусеницами танков. Характерно, что когда в Эстонии в январе 1991 года тоже возникла угроза штурма здания правительства, руководитель страны Эдгар Сависаар призвал людей не собираться на площади перед его резиденцией, заявив, что долг правительства обеспечивать безопасность граждан, а не наоборот. Так же поступил и Аьенде в 1973 году. Ельцин сделал все наоборот.

Знаменитые баррикады у «Белого дома» не могли остановить не только танки, но и обычные боевые машины пехоты, зато толпа была бы зажата между первым рядом баррикад, состоявшим из перегородивших улицу троллейбусов, и вторым — из металлических балок, арматуры. Второй ряд был пригоден только как противопехотное ограждение. Если бы люди, убежавшие от танков, наткнулись на эту преграду, мало кто из них остался бы в живых. Эта странная оборона, организованная профессиональным военным, вице-президентом России полковником Руцким, гарантировала настоящую кровавую баню для обороняющихся в случае любого настоящего столкновения. Впрочем, если бы «Белый дом» штурмовали, то сделали бы это командос из войск КГБ с вертолетов.

Оборона «Белого дома», однако, имела огромный психологический смысл. Надо было показать, что победу над путчистами одержал нево-

оруженный народ. Трудно поверить, что Ельцин пошел бы на риск массовой и совершенно бессмысленной гибели сотен людей, не зная планов путчистов заранее. Откуда он мог их знать? Скорее всего от них самих.

На самом деле, ответы на все эти вопросы дает пресс-конференция хунты вечером 19 августа. Говоря о том, что они собираются договориться и сотрудничать с Ельциным, что Горбачев после наведения порядка вернется, что в области экономической политики все будет по-старому, Янаев и его коллеги говорили полную правду. Они действовали в соответствии с этим сценарием и ожидали аналогичных действий от других.

Нетрудно догадаться, что для такой уверенности у путчистов должны были иметься веские основания. Серьезные люди типа руководителя КГБ Крючкова и министра внутренних дел Пуго не пошли бы на государственный переворот, не выяснив, кто его поддержит, кто готов сохранить нейтралитет. И они наверняка не просто предполагали, а знали, что Ельцин готов отнестись к перевороту нейтрально. По логике путчистов, за переворотом должны были следовать переговоры, компромисс и создание правительства национального единства — уже с Ельциным или людьми из его окружения. Скорее всего, некоторые люди их хунты при этом бы ушли, но ключевые фигуры — Пуго, Крючков, быть может, Павлов — остались бы. Не случайна и инициатива президента Казахстана Назарбаева, который сразу же предложил себя в посредники, будучи твердо уверен, что переговоры состоятся в ближайшем будущем.

Между тем, Ельцин избрал другой сценарий. Он не только осудил путч гораздо более резко, но и начал действовать. Пока хунта имитировала переворот, Ельцин на деле его совершил, потребовав вопреки Конститу-

циям СССР и России передачи всех структур власти на территории республики под контроль своего правительства. Это означало фактическую необратимую ликвидацию Советского Союза утром 19 августа. Это означало и бессмысленность любых попыток воссоздать Союз на основе подготовленного в Конституции двоевластия и начало единовластия Ельцина.

Когда хунта поняла, что случилось, было уже поздно. Почувствовав, что дело плохо, попытались 20 августа стать реальной властью, вызвать новые дивизии в Москву, но их уже не слушали. Судя по всему, в хунте произошел раскол. Янаев чувствовал, что его обманули и сделали из него козла отпущения, Крючков и Пуго пытались действовать. Когда руководитель Всесоюзной государственной телерадиокомпании Кравченко прибыл по вызову хунты, он застал странную сцену. Янаев требовал передать в эфир, что никто не собирается штурмовать «Белый дом», а Крючков и Пуго зло говорили, что если уж их объявили изменниками и преступниками, то им ничего не остается, как действовать соответственно. Позиция Ельцина явно была для них полной неожиданностью.

Не очень понятно, почему путч вообще не был ликвидирован к вечеру 20 августа. Путчисты бездействовали, спорили, пытались привести в боевую готовность новые воинские подразделения, антитеррористскую группу КГБ «Альфа», но те их приказы не выполняли. Ельцин и его команда бездействовали и чего-то ждали. Чего? Штурм? Но у путчистов уже не было надежных сил для этого. Ясности? Но «Белый дом» был неплохо информирован о происходящем. Трудно отделаться от мысли, что ждали первой крови, искупительной жертвы, которая оправдывает последующие репрессии не только против

непосредственных организаторов переворота, но и против политических противников нового режима.

И кровь пролилась в ночь с 20 на 21 августа при столкновении передислоцировавшейся армейской колонны с толпой возле «Белого дома». Погибло три человека. Сначала это событие было объявлено попыткой штурма, но уже через несколько дней официальная пропаганда вынуждена была признать, что штурма не было. Зато теперь можно было говорить о кровавой хунте, о сражениях на баррикадах Москвы. Защита «Белого дома» за считанные часы обростала официально признанными легендами, как и взятие большевиками Зимнего дворца в 1917 году.

Путчисты бежали — почему-то не в Ирак или Северную Корею, а в Крым, к Горбачеву, где и были успешно арестованы. переворот Янаева, Пуго и Крючкова провалился. переворот Ельцина удался. Горбачев был доставлен в Москву в качестве президента уже не существующего государства, а по существу — как заложник «Белого дома». Коммунистические газеты были закрыты, здания КПСС опечатаны (заодно опечатали помещения организаций, поддерживавших ГКЧП, включая даже Советы ветеранов). Через несколько дней Горбачевым было торжественно объявлено о выходе из КПСС, конфискации ее собственности и ликвидации Центрального Комитета партии. Для России начиналась новая жизнь — без коммунистов, но зато с Ельциным и Руцким.

Остается ответить на два вопроса. Во-первых, зачем вообще понадобилась вся эта затея, во-вторых, что мы получили в результате ее провала? Ответом на первый вопрос могут быть разговоры о предстоящих непопулярных мерах, которые мы слышали еще до переворота из уст представителей как российского, так и

союзного правительства. Программы Ельцина и Горбачева отличались лишь в незначительных нюансах. Обе предусматривали приватизацию, демонтаж системы социальных гарантий, снижение жизненного уровня и освобождение цен, что, по крайней мере, на первых порах должно было означать массовую безработицу, инфляцию и недовольство населения. Такую программу может выполнить лишь сильное и единое правительство. Такое правительство и должно было возникнуть в результате переворота. И оно возникло — но не так, как рассчитывали путчисты. Ельцин действительно перехитрил всех, установив режим личной власти, к тому же — пользующейся поддержкой большинства населения.

Компартии больше нет, федеральные органы ликвидируются, оппозиции не существует. Нет больше и оппозиционной прессы. Все крупные партии едины в поддержке правительства и президента. Те, кто против, знают об участии коммунистов. В стране установилась атмосфера охоты на ведьм. Тысячи людей доносят друг на друга, сообщая властям, кто как вел себя в дни переворота. Толпы восторженных сторонников нового режима носят по улицам портреты вождя, валят статуи и требуют расправы над врагами. Армия снова почувствовала уверенность в себе, поскольку объявлено, что переворот ликвидирован с помощью патриотических военных. Радио и телевидение доказывают вредность забастовок, призывают спокойно работать и говорят о монолитном единстве демократических сил. Те самые дикторы, которые читали вчера обращение Горбачева, а потом хунты, сегодня такими же торжественными голосами зачитывают призывы Ельцина и Демократической России.

Все традиционные признаки тоталитарного движения в среде победи-

телей налицо — и культ вождя, и полное отсутствие каких-либо механизмов контроля за лидерами, и преобладание лозунгов над программами, пропаганды над дискуссиями. Есть и полувоеенные формирования, ельцинские сотни, объявленные Национальной или российской гвардией и фактически уже поставленные над законом.

Конечно, Коммунистическая партия Советского Союза заслужила свой бесславный конец всей своей предшествовавшей историей. Характерно, что из миллионов ее членов почти никто не протестовал. Но все же уничтожение оппозиции и закрытие оппозиционных газет никогда не было путем к демократии. Вспоминается высказывание классика французской политологии Мориса Дюверже, который говорил, что в стране, где политическая жизнь сводится к борьбе коммунистической и фашистской партий, демократия может существовать лишь до тех пор, пока существует равновесие между ними. Как только одна сторона достигает успеха, она запрещает оппозицию и устанавливает диктатуру.

Конечно, ельцинская Демократическая Россия — еще не фашистская партия. Но и КПСС времен перестройки — уже не старая сталинская тоталитарная структура. Обе они куда менее тоталитарны, чем их прообразы из 30-х годов. Но все же обе куда больше походили на тоталитарные движения прошлого, нежели на демократические организации современного Запада.

Остановившись в коридоре Моссовета, депутат-социалист Юрий Храмов, который в дни переворота контролировал действия подчиненных Совету милицейских сил (ОМОНа), качает головой: «Слишком все это по-

хоже на Октябрь». Да, то, что произошло 19 августа имеет мало общего с демократической революцией Февраля 1917 года. Скорее, это Октябрь — наоборот.

Сегодня Россия еще верит в победу демократии, но на самом деле новая эпоха — отнюдь не эпоха свободы. То, что произошло 19 августа, было не торжеством демократических свобод, а началом конца демократической интерлюдии между двумя диктатурами — коммунистической и право-популистской.

Когда выступая по Центральному телевидению от имени Демократической России, депутат Илья Заславский сказал, что защитники «Белого дома» боролись за Ельцина и Россию, лишь на третьем месте упомянув и демократию, он был абсолютно прав. Демократии никто не отводит и не собирается отводить решающего места. Защитники «Белого дома» были безусловно людьми искренними, порядочными, вдохновенными великими идеями. Но то же можно сказать и о парнях, бравших в 1917 году Зимний дворец. И те и другие были молоды. Ни те ни другие еще не ведали, что творят.

Очень скоро многие из тех, кто вышли к «Белому дому» по призыву Ельцина, вынуждены будут задать себе те же вопросы, что ставят политически более опытные защитники Моссовета: «Разве мы шли на баррикады для того, чтобы чиновники могли совмещать политику с бизнесом, а окружение Ельцина — делить ответственность бывшей КПСС?»

Да, Россия достойна свободы. Но она не завоевала ее. Миллионы людей в России боролись за демократию. Получили же мы Ельцина.

ПРОСТОТА ХУЖЕ ВОРОВСТВА

Гасан ГУСЕЙНОВ

Взрослые учатся у детей. Моя дочка проходит в школе «про кочевников». Пришла домой веселая: «А у нас Дима Румянцев сказал, что кочевники побеждали потому, что у них не было одного места. Мы-то обхаживаемся, а учитель переспрашивает:

— Почему побеждают?

— А им некуда возвращаться было, а если победить, можно и тут остаться...»

Перефразируя стародавнего автора, скажем: легче ребенку понять исторические судьбы давно истлевших кочевников, чем взрослому кочевнику — обстоятельства своей победы.

Нам, презирающим проложенную дорогу и вытаптывающим зимою и летом тропки, — чтобы срезать и пройти напрямки — нам, кочевникам больших городов, приносившимся к милой, но — увы! — нечестной жизни в автобусах, метро, стационарных общагах и других гнездах простого человеческого счастья, свитых среди смердящих помойных баков многомиллионных городов, нам тоже вдруг пригрезилась победа.

Факт события уточняется очевидцами и новыми добровольцами, все безрадостней регистрирующими бурный рост числа защитников Белого дома или шныряющими в поисках притаившихся, но тоже прибавляющих в числе путчиков. Признается,

что выдающееся значение трех дней в августе прямо пропорционально стремительности их мифологизации. Миф вколачивается в историю аршинными гвоздями — три дня и три ночи, три настоящие жертвы (впрочем, были и какие-то ненастоящие — задавленные, говорят, по дороге к главной сцене). Даже мусор событий теперь не отправишь на свалку — только в музей.

Жизнь, как ни прискорбна эта банальность, продолжается и после победы, осознание которой становится медицинским фактом нашего существования. Оставим неприличный вопрос: кто кого победил? Разве не ясно, черт возьми, что мы победили их, или, что то же самое, народ победил путчиков?!

Из недавнего опыта тоже следует, что действительно одержанная — и не в три дня, а, скажем, в четыре года, — победа может обесмыслиться временем. Вот вам второстепенный, но для кого-то ярчайший знак такого обесмысливания: русские евреи просят убежища в Германии. Это потому, вероятно, так, что победители и пожинатели плодов чужой победы нечувствительно меняются местами.

Разлитый в воздухе чад чужой победы чем-то неуловимым одаряет побежденных, а тонкий букет и нежный

вкус ее чем-то неуловимым развращает победителей.

И все-таки, из чего же он состоит, этот вкус победы? Об этом очень трудно писать, не попробовав, тем более, что он каждому — свой. Немецкая журналистка Барбара Кернек, днем и ночью интервьюировавшая людей у Белого дома, заметила, что сила их состояла в том, насколько разнообразны были причины, заставившие людей прийти на баррикады. «Один пришел защищать свою парикмахерскую, другой — газетенку, третий — подвешиваемое свое право уехать в Америку, четвертый — остаться дома с чувством собственного достоинства: когда никому нельзя верить, надобно самому оказаться в нужном месте в нужное время...»

Но вот момент прошел, светлые лица разошлись по своим священным частным делам. Легкий дух победы вспарил. А тяжелые ее фракции осели.

Голос свободы, свободы, добытой теперь уже собственной рукой, а не подаренной хозяином шесть лет назад, должен был перерычать радостные вопли дармового освобождения, спазматически надвигающегося на страну с 1985 года. Так что, конец перестройки, прыжок из освобождения — в свободу?

* * *

Ужасна драма завистника, просидевшего все эти дни у телевизора и телефона в Германии и в Москву попавшего только на девятый день. Баррикадники — жена и друзья — еще зывают к твоему воображению, но с каждым днем им все труднее дается мысленное и словесное воспроизведение подъема трех легендарных дней. А мне вместе обидно и — каюсь! — приятно, что с течением времени они уравниваются со мной, спускаясь ко

мне — туда, где мы их словно бы поджидаем, не побыв на их вершине: там была неведомая мне предельная ясность противостояния, а здесь все размыто привычной обстановкой знакомой, хотя и не мирной жизни.

Выпрыгнувшие, как нерестящаяся рыба, из магнита воды, те, кто одержал победу, пытаются изо всех сил удержать это мгновение, но не могут, и этот неумный хор «эврика!» — я нашел истоки и причины путча! я нашел причины его поражения! я нашел главных преступников! я нашел главных героев! — делает нас, — до сих пор только зрителей — злобно-полноправными участниками дискуссии.

Как советскому человеку и, стало быть, доктринеру и резонеру, хочется высказаться и мне. Путч, хочется сказать мне, или то, что произошло 19-21 августа 1991, — это апофеоз двоемыслия: сделавшие вид, что они собираются пустить в ход танки, первые лица в СССР ждали, что их подданные сделают вид, что приняли мнимую угрозу всерьез, и тем признают ужесточение режима. Ни сном, ни духом не готовились они к перевороту, ибо в простоте душевной были уверены, что действуют в рамках только слегка подправленных законов. Но не тут-то было. Оказалось, что достаточно горстки людей, принявших всерьез себя перед лицом оскарбительной мнимости, чтобы маскарад провалился.

Услышав, «маска, я тебя знаю», мнимые путчисты испугались того, что их приняли за настоящих.

Как все смогли убедиться, баран в волчьей шкуре выглядит куда противней, чем волк — в овечьей. А впрочем, как говорил Черчилль, обидней всего оставаться овцой в овечьей шкуре.

Когда я впервые почувал этот страх овцы? Полуосознанно — когда увидел толпу людей в бараньих шапках,

хотевших чьей-то крови и своими папахами сигнализировавших об особых правах своих эту кровь пролить.

Тут уже не маскарад Варлама Аравидзе из «Покаяния»: как вздрагивает в нас овца, когда он сбрасывает белую баранью бурку и остается в волчьем френче!

Мой страх сродни страху змеи, отползающей от запаха овчины в заросли, пока острокопытная отара кроτικών не затоптала ее в прах.

Но вполне осознан этот страх был в тот день, когда на митинге победителей 22 августа 1991 года возле трибуны водрузили плакат с требованием отдать под суд «Лукьянова-пса».

С этого мгновения запах свободы на всем пространстве бывшей империи — не только в Закавказье или Бессарабии — смешался для меня с запахом овчины. Вот собрались на свой съезд казаки, вот горцы, вот другие исконные обитатели своих земель.

Борьба за право преимущественного ношения папахи того или иного фасона в том или ином ареале не только выталкивает душевнобольных в народные вожди, но лишает разума и тех, кто по определению никогда ни за какими вождями не ходок.

Противостоять общественному безумию, ставшему вожделенным достоянием Народов, одержавших Великую Победу, — пустое дело. Но поразмыслить над собственным безумием тоже полезно, тем более теперь, когда жалобы на окончательную утрату здравого смысла как на единственную общезначимую реальность дня стали общим местом для всякого разговора и почти всякого текста.

Это мое общественное безумие стало неизбежным итогом встречи двух образов одной действительности: одни мечтали об ее наступлении, хотя в подсознании и у них шевелились здравые опасения за судьбу овец, дру-

гие израсходовали все умственные ресурсы на «заговаривание зубов» этой самой действительности, втайне надеясь, что все обойдется. То, чего больше всего боялся, и то, что больше всего желал, — одно и то же событие.

Короткое замыкание, происшедшее в головах столь многих, так разрядило социокультурное пространство постперестроечной России, что даже самые глубокие, сокровенные историкофилософские интуиции всплыли брюхом кверху, как глушенная рыба, и покачиваются на плоской глади дешевого политиканства.

Не об одном только Ельцине горькую правду сказал простой русский казах Назарбаев: «Он мог получить весь мир, а заговорил о каких-то границах...»

Но что это значит — «получить весь мир»? Опять?!

Да нет, пожалуй, только одно — стать как мир.

Но кочевники требуют победы: «Герой, порази нам дракона!» И в который уж раз он его поражает и возвещает изумленным согражданам: «Россия спасла мир».

Отчетливо замаячившая угроза деградации российского демократического в русское национальное движение превращает всю августовскую победу в пародию на послеоктябрьскую мясорубку 1917 года и снова обнажает роковые слабости всякой национальной демократии.

Главное ее баранье упорство, вставшее мой овечий страх, — иррациональная тяга к воплощению очередной социальной утопии, вера в политическое чудо, для достижения которого нужно только забрать всю полноту власти из чужих рук в свои. Требование политических полномочий за выказанную моральную твердость есть при этом не только одно из проявлений легкомыслия, но и попытка проектантов экономического чуда впервые привести в исполне-

ние казавшуюся вечной формулу из «характеристики на...» — «политически грамотен, морально устойчив». Правда, наскочив на властные полномочия, не замечаешь фатально приклеенной к полномочиям непопулярности.

Мистическая вера в силу и особое качество твоей власти (в отличие от любой чужой) сопутствует глубокому недоверию и даже презрению к законности как таковой. Одним из следствий именно этого презрения и стала главная ошибка демократических движений — признание учрежденной Сталиным национально-республиканской государственности в качестве высшего носителя суверенитета в распадающейся империи. Вытекающий отсюда лозунг «независимости России от Союза» и буденновское голосование за него на съезде российских депутатов сегодня, наконец, обнаруживает свой смысл: отдаление от союзного Центра осуществимо для России только ценой поглощения ею всех его, Центра, функций по отношению к остальным бывшим республикам Союза СССР. Вот почему нет никакой случайности в том, что новые российские лидеры и их демократические консультанты, сочувствующие идеям национального самоопределения, с редким единодушием приступили к высказыванию территориальных и иных претензий к бывшим союзным республикам, ныне добивающимся нового для себя статуса банановых.

Такой способ возрождения государственности через разрушение советской системы, несомненно, проще предложенного ранее Горбачевым. Демократичнее ли он?

В нашем, кочевом, овечьем смысле — да.

Этот способ — через независимость и суверенитет республик-изоляторов — сдвигает с места добровольцев и своеобразно оживляет страну. Наконец-то он ликвидирует интеллигенцию как социальную прослойку,

оставив ее в республиках для обслуживания национальной гордости, а в российском имперском центре — для службы в департаментах, префектурах и совместных предприятиях.

Что касается свободной печати, то здесь перспективы слабее. Захлебывающиеся остроумием студенческого капустника, в недалеком прошлом весьма достойные издания и журналисты выказывают после августовских событий черты, прежде выделявшие только самые дегенеративные партхозиздания. Тиснуть — и не один раз — насмешку над самоубийцей, опубликовать написанные в тюрьме стихи, готовящегося к расправе «пса», смаковать сообщения о тюремных жалобах горе-путчистов, — не значит ли это, о братья по безумию, натягивать волчью шкуру на барана-читателя?

Кочевникам некогда оглядываться вокруг, а то бы они заметили: все, кому есть куда «вернуться», возвращаются. Одни возвращаются в географию, кое-где перешагивая через занятые тем временем другими проходы. Другие возвращаются в историю. России предлагается прийти в себя. Сделать это как австрийцам, скукожившись до известных размеров, но сохранив орла, — уже поздно; сделать это как британцам — география не позволяет.

Предлагаемый же национальный вариант самобытности, суверенитета и независимости, кочевой вариант своей простотой, дешевой и сердитостью не пропускают последние три столетия.

На Россию без границ, но с русским языком, без бомбы, но с полнороста миллионами работников — на это ведь национальной идеи не хватит... Что ж, тогда придется кочевать. И тогда неизбежна — все еще рычащая и все еще советская демократия с простонародным культом Хама — погубителя Драконов.

А ЧТО ВЫ ХОТИТЕ КОНСЕРВИРОВАТЬ?

Андрей НОВИКОВ

Августовские события и последовавшая за ними стремительная ликвидация остатков «реального социализма» (с советской империей заодно) доказывают, на мой взгляд, полную бесперспективность попыток сформировать некое советское неоконсервативное мышление, как это пытался сделать Лев Сигал в статье «Похищение сабинынок» (Век XX и мир», № 4/91).

Напуганный ужасами революции, автор умалчивает о прелестях контрреволюции. Перечитывая на днях «Окаянные дни» Бунина, я встретил поразившую меня фразу: «РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ДЕЛАЛАСЬ В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ, ЧЕГО ЖЕ СЕТОВАТЬ НА ТО, ЧТО КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ СОВЕРШАЕТСЯ ЕЖОВЫМИ РУКОВИЦАМИ!». В этих словах Бунин — точная нравственная и психологическая характеристика тогдашнего белого движения, которое было не только оппонентом большевиков, но и соавтором политической культуры революционной поры, чем и заслужило у современников определение «белый большевизм».

Обличая радикалов и революционеров-экстремистов, Лев Сигал пишет: «...ни на республики, ни на «демократов», а только на проклятый интеллигентский сознанием Союз, на Армию, МВД, КГБ — сколь бы плохо они ни выполняли свои функции — возлагаются надежды в критических ситуациях». Логика все та же: иного не дано. Да, в критических ситуациях может потребоваться применение силы. Но для меня, например, далеко не безразлично, КАКИМ ОБРАЗОМ будет наведен порядок. Одно дело — чрез

гражданские институты, через правоохранительные органы, другое — так как это постоянно делала «отмытая» автором «Похищения» коммунистическая империя: через армию, которая вместо слезоточивых газов применяла отравляющие, а вместо резиновых дубинок — саперные лопатки. Естественный в условиях демократии правопорядок и самостоятельность контрреволюционной армии, защищающей преступное государство, — вещи совершенно разные.

Экстремизм сегодня — свойство далеко не только левых. Происходит радикализация и экстремизация и правых, и целых государственных структур. Вспомним хотя бы рижский ОМОН, который во имя государственнической идеи творил беззакония. Вот они, потенциальные участники нового контрреволюционного движения, которые шашками и нагайками будут возвращать бесноватых демократов на путь истинный! Как можно надеяться, что подобные структуры будут стоять на страже закона, стабильности и безопасности граждан?!

Почему Лев Сигал, если он хочет быть последовательным в своем, как он заявляет, неприятии экстремизма, не пишет, что нам сейчас нужна не контрреволюция, а замена самой революционной парадигмы на реформистскую, эволюционную? Август, кажется мне, показал, что выступать за сохранение агонизирующей системы значит быть контрреволюционером, то есть «революционером наизнанку», а отнюдь не консерваторм-эволюционистом. Что характерно, автор делает смелое заявление о своем решении

встать на сторону «партии контрреволюции» и в то же время пишет о необходимости строго соблюдать букву закона, о поддержке Горбачева (причем с поразительной недалекостью усматривает предпосылку стабильности в том, что президент является генсеком утратившей общественное доверие партии!) и его «неспешных реформ».

19 августа показало иллюзорность попыток совместить эти вещи. Когда дело дошло до танков и баррикад, подобные «неоконсерваторы» были вычеркнуты из реальной политики. Представляю смущение Льва Сигала (с его доведенной до абсурда проповедью легализма во что бы то ни стало) в те августовские дни: в «Белом доме» — его политические противники (революционеры, разрушители государства), в ГКЧП — заговорщики, свергнувшие законного президента.

Но август дает и другой, более важный урок. Жестко ошиблись те, кто полагал, что Система еще поживет и что ее можно неспешно «лечить терапевтически», то есть консервативно ее реформировать. Советским консерваторам оказалось нечего консервировать.

«Неоконсерватизм» — как его в общих чертах обрисовал автор «Похищения», так и остался если не салонным фрондерством, то по крайней мере событием исключительно интеллектуальной жизни.

Общее умонастроение Льва Сигала корректнее назвать не «консерватизмом», а «фундаментализмом». Автор, очевидно, исходит из того, что континуум русско-советской истории не был прерван после Октябрьской революции. В этом случае фундаментальные ценности (государственность, мораль) рано или поздно всплывают на поверхность Истории. К ним он и апеллирует. В этой логике неважно, что советское государство возникло на крови и насилии — его нелегитим-

ность искупается самим временем (основной смысл притчи о сабинянках).

Не вдаваясь в подробный анализ этого умонастроения, отмечу его широкую распространенность среди западных и отечественных политологов: «Революции — это переломы Истории, которые быстро срastaются»

Но есть ли в современном советском обществе те фундаментальные ценности, которые позволяют говорить о преемственности русской и советской истории? Боюсь, что нет. В традиционной России крестьянская культура была больше, чем просто способом производства — это было уникальное мироощущение народа, его духовность, религия. Старая Россия сгинула безвозвратно, сгорела в огне революции и жесточайшей (не в пример нынешним политическим баталиям) гражданской войны.

Процесс разложения традиционного общества, разумеется, происходил и в рамках западной технократической модернизации, хотя там модернизаторы сумели обойтись без таких разрушительных и кровавых политических катаклизмов, как в России.

От той России ничего почти не осталось.

Пережитый нами тоталитаризм вообще мог возникнуть лишь на почве индустриализма, а отнюдь не традиционного общества. Никакого «возвращения на круги своя» после Октября не произошло. Фундаментальные ценности, сознание народа, его духовная парадигма неизвестно трансформировались. Вот почему мы сегодня находимся на такой же исторической дистанции от дореволюционной России, как современная Мексика — от уникальной, но, увы, исчезнувшей цивилизации ацтеков.

В этой ситуации обращение к фундаментализму или консерватизму «вообще» в таких условиях означает обращение к духовным и ментальным основам именно СОВЕТСКОЙ ЦИ-

ВИЛИЗАЦИИ, СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ.

История на наших глазах делает очередной крутой вираж, а «неоконсерватор» остается на обочине, лишенный даже символов, не питая симпатий ни к красному флагу (большевиком), ни к трехцветному (ставшему знаменем революции): «двух он становится, не боец, а только гость случайный».

P.S. В середине 30-х годов к Сталину обратился с письмом лидер Русской

партии, ярый сторонник «единой и неделимой России» Радзаевский, предложил товарищу Сталину вступить в нее. Суть аргументов была та же, что и у Л. Сигала: неважно, что Сталин тиран, важно, что он уничтожил больше коммунистов, чем кто бы то ни было.

Товарищ Сталин внимательно прочитал письмо своего неожиданного союзника, пригласил его в Москву и расстрелял. Больше никто таких аналогий со Сталиным не проводил.

СУДУ ВСЕ ЯСНО?

Аркадий ЧЕРКАСОВ

Ненавижу полузнание. Оно часто хуже полного невежества, потому что дает склонному к апломбу человеку «право на собственное мнение».

— Это лишь вы, коллега, думаете, что Волга велика и впадает в Каспийское море. Кстати, откуда вам это известно? Ах, из книг! А я вчера сам был в Твери и свидетельствую: речка эта небольшая и течет совсем в другую сторону... Ну, что ж, останемся каждый при своем мнении».

Говорят, бывает, что судьи за двадцать минут разбирались с многотомными материалами следствия. Взглянул, полистал — и «суду все ясно!». Еще чаще такой «апломб полузнания» встречается у журналистов: пришел, увидел, разобрался — и вынес вердикт. Все очень просто: ветер дует, потому что деревья качаются.

Думаю, что за такой самоуверенностью и апломбом обычно кроются косность воображения, душевная лень,

склонность к удобным стереотипам — или же определенный «социальный заказ».

Всего десять дней провела в СССР американская журналистка Мария Фенелли — и разразилась разоблачительной статьей огромного размера, судя по «небольшим отрывкам из нее», занявшим шесть страниц журнала «Век XX и мир» (№ 6, 1991). Эту публикацию, первоисточник которой целомудренно скрыт (судя по стилю и содержанию — уровнем не выше «Вашингтон Таймс»), редакция «Века» снабдила выдержанным в мазохических тонах предисловием, в котором «либеральную американку» Фенелли сравнивают с остроумным и наблюдательным путешественником XIX века маркизом де Кюстином. Вот, дескать, зеркало — смотрите и не показывайте язык.

Такие зеркала, как у Фенелли, я видел в «комнатах смеха»: там выпукло,

там вогнуто — и впечатляющий портрет готов. У Фенелли: «в СССР любят лишь те вопросы, на которые заранее приготовились отвечать» (вогнуто); «с тщательностью теперь все выставляют напоказ» (выпукло); «русские преувеличенно жалобны» (еще выпуклее) и «преувеличенно оптимистичны» (снова вогнуто); «во всех случаях — неимоверно и докучно болтлив» (зачем мне четкость изображения, излишняя информация, когда и так все ясно?). «Либеральной американке» скучна болтовня тех, кто, видимо, с жаром пытался ввести ее в круг наших настоящих проблем. Потому она и не поняла, — как сама тут же признается — чем был недоволен в своей жизни «при последних коммунистических правителях» «черноморский грек» Гавриил Попов, поднявшийся уже тогда «к видным постам в научной элите».

(Это мне напомнило, как сравнительно недавно за одним монреальским столом утомленная политикой хозяйка решила сменить тему и спросила меня, — видимо, тоже как «представителя московской научной элиты» — какие сорта камабера сейчас предпочитают в Москве!)

Не поняла Фенелли и чем отличается неприятно поразившее ее обилие портретов Ельцина (заметьте — до избрания его Президентом России — или она не видела избирательных кампаний на своей родине?) от «былой повсеместности изображений Сталина», усмотрев здесь «традиционную индустрию тоталитарного лубка». Не понравилось ей и само лицо «нового кумира антикоммунистических русских». Чем — повторять не буду, — противно. Но замечу, что в столь разухабистом тоне о внешности даже самого буржуазного из американских политических лидеров не позволял себе писать годов этак с 1950-х ни один даже самый выездной из «тоталитарных» журналистов (может быть, во

времена РАППа — Пролет культуры — Коминформа так и писали).

Усмотрела либеральная американка «низкопробный конформизм» и в том, что «в русский обычай вновь вошло величание политического лидера по имени-отчеству — «наш Борис Николаевич» (величание, как я понимаю, заочное, в беседах с американской гостьей). Что же, давайте устыдимся — за нашими обычаями зорко следят! — и перестанем говорить в быгу «наш Михаил Сергеевич», «наш Владимир Вольфович» и т. д. — это конформизм!

Особенно грешат конформизмом, по Фенелли, «подвергшиеся русификации» евреи, которые сейчас де даже «бравировать неумеренным русским патриотизмом». Для иллюстрации этого тезиса либеральная американка начинает рыться в анкетах наших земляков, российских журналистов, обращая специфическое внимание на «пятый пункт» (или просто нестандартно звучащие фамилии?). Найдено: «известный радикальный публицист Радзиховский... объявил, что предстоящие выборы русского Президента явятся «первыми выборами законного властителя России за тысячу лет» — поставив тем самым Бориса Ельцина в ряд с Владимиром Красное Солнышко, Иоанном Грозным и другими»...

И это де пример «демократического сервиллизма» евреев!

Здесь, изо всех сил стараюсь держать себя в «рамках» (дама! иностранка!) хочу тихим голосом (спокойно! спокойно!) задать М. Фенелли вопрос: «Мадам (мадемуазель), кто вас этому научил? Во-первых, недостойно американки (или же «подвергшейся американизации» итальянки? Тогда и Рейган и Кеннеди — «подвергшиеся» ирландцы?) копаться в анкетах моего соотечественника. Это здесь умеют и без вас». Слава Богу, это проходит, и уже никого не смущает «нерусская»

фамилия даже нашего православного Патриарха, не говоря уж о том, что даже расистам из «Памяти» не приходило в голову связать «неумеренный русский патриотизм» протопопа Аввакума или авторитаризм его противника Никона с их этническим происхождением как двух «подвергшихся русификации» мордвинков. Русские — такая же полиэтничная (сливающаяся из различных компонентов) нация, как и американцы — да и большинство других современных народов. Но это особый, длинный разговор.

Во-вторых, я очень уважаю Леонида Радзиховского, но мысль о том, что июньские выборы президента России в 1991 году — первые всенародные выборы главы Русского государства в тысячелетней истории нашей Родины — принадлежит не ему. Эту, по-видимому, не очень оригинальную идею (мы в школе учим историю) лично я, как говорит моя дочка, «сам из головы выдумал» и вставил в текст поздравительной открытки, посланной «нашему Борису Николаевичу» (именно так!) ко дню его 60-летия, еще в феврале, от имени и за подписями всех членов моей православной русско-чувашской семьи.

Так что евреи здесь ни при чем, и «демократический сервиллизм» тоже. «Уважение» и народная любовь к Ельцину (вот, так и быть, без имени-отчества, только для вас) — это как раз то, что вам, вероятно, и пытались изъяснить «неимоверно и докучно болтливые» русские. Но Вам проще отнести это на счет «сервиллизма». Однако заметьте, что и статья Радзиховского, и наши поздравительные открытки (их набралось сотни тысяч) были написаны до избрания Ельцина Президентом — когда безопаснее и «сервильнее» было бы посвятить их «нашему

Михаилу Сергеевичу» или, скажем, товарищу Крючкову...

В-третьих, никто не ставил Бориса Ельцина «в ряд» с Владимиром, Иоанном и т. д. Он был в ряду с Рыжковым, Бакаитиным и еще тремя претендентами на пост первого «законного властителя России за тысячу лет». Избрали его, тех — не избрали, как не избрали и Владимирова с Иоаннами. Объективно говоря, избирали двух Михайлов, но не всенародно, а на Съездах. Всенародно избран за тысячу лет действительно пока только один Борис Ельцин...

Такова российская история, которую М. Фенелли знает плохо (но берется судить и писать — вот в чем грех!). Из двоих Лжедмитриев (Отрепьева и «Тушинского вора») она делает одно историческое лицо и подгоняет свою дайджест-историю в духе ОФТ (что-то тоже мямлили о «лже-Борисе» нескладное) под свою же трактовку «войны законов», на каждом шагу лягая демократов (естественно, «так называемых»). Что же до новейшей истории — тут М. Фенелли опережает даже Невзорова, сообщая нам о «прокатившихся по Прибалтике и Закавказью эксгумациях бывших коммунистов» (что за звон? кто? где? когда? Саша, покажи!). Латышский язык для евреев, живущих в Латвии (эх, уж дались ей еврею!) характеризуется как «экзотический», а распространенные на их родине имена (видимо, латышские, вроде «Гунарс» и «Лайма») — как не произносимые. То же и о Молдове...

— Все, хватит! Суду все ясно!

...Эх, «Век», «Век»! Поостергся бы ты! Помнишь прошлогоднюю историю со статьей из итальянской газеты «Република» в «Правде» — и что стало вскоре с тиражом последней?!

Сбросив с себя красно-золотые имперские одеяния СССР, независимая Россия посмотрелась в зеркало политической реальности и поняла, что... продолжает оставаться империей. Демонстративная суверенизация полунезависимых республик, судьба малых этносов, жаждущих политического самоопределения, туманное соотношение понятий «русский» и «россиянин» и практически нерешаемый вопрос о национальной идентичности граждан — все это ставит Россию перед новым выбором. Либо с риском и последовательно продолжать постимперское развитие, либо вырulingать на неоимперский путь, с демократически подновленной иерархией народов, и с возрождением тенденции «собрания земель».

Взгляд на великую державу Южного полушария, решающую такие же проблемы, поможет новой России лучше понять себя.

Южная Африка — уроки Октября и опыт перестройки

Денис ДРАГУНСКИЙ

Таинственная связь между Россией и Южной Африкой сначала находилась в стадии лирической: фрегат «Паллада» бросает якорь в Капштаде, и Гончаров восторгается жителями Капской колонии. Далее наступила политическая стадия — шарманка наигрывает песенку «Трансвааль, Трансвааль, страна моя», а Россия (вместе с Германией!) пытается поддержать буров и взбунтовать кафров с целью ослабления Англии. Планировалась даже роль России как гаранта независимой Южной Африки. И вот, спустя десятилетия, несмотря на полный политический разрыв, СССР и ЮАР, тайком ото всего мира и недовольно косясь друг на друга, вынуждены как-то координировать свои действия в качестве главных продавцов золота на мировом рынке.

Пропагандистский стереотип раз-

вел наши страны по полюсам, особенно в плане национальной политики. Слияние наций и народностей в единой общности советского народа — и апартеид, то есть расизм как государственная политика. Но в пылу обсуждения апартеида мы как-то упускали из виду тот факт, что СССР и ЮАР были не только единственными золотодобытчиками. Ни в каких других странах правительство не отмечало в паспортах своих граждан их этническую принадлежность. Впрочем, в Южной Африке это правило (так называемый «закон о регистрации населения») уже отменено — Россия опять осталась в гордом одиночестве.

Теперь мы вступили в стадию типологической близости. То, что переживает сейчас кишинговская «Чудо-женщина», обнаруживает структурное

сходство с событиями в некрасовской «Могучей и Бессильной». В процессе реформ ЮАР сталкивается с проблемами, которые можно обозначить как «октябрьские» и «перестроечные».

Начнем с «октябрьских». Точно так же, как и в предреволюционной России, в ЮАР практически все от высших чиновников до подпольных борцов с режимом, согласны в одном — дальше так жить нельзя. Я не случайно оговорился — всегда, в любой стадии кризиса существуют люди, считающие, что так жить, как жили раньше, можно и даже нужно. Чаше всего они исходят из весьма примитивных соображений сытости и комфорта. Реже сюда примешиваются по-человечески понятные личные политические амбиции. Иногда эти интимные переживания имеют всемирно-историческое значение: Юрий Трифонов в романе «Нетерпение» психологически, на мой взгляд, достоверно описывал колебания Александра II по поводу конституционной реформы, которая, будь она осуществлена... Эх, да что говорить! Так вот — конституция, размышлял самодержец, конечно, нужна и двинет Россию вперед. Но без конституции он вроде «полного генерала», а с конституцией — не выше генерал-полковника, что у военного человека вызывает естественный внутренний протест.

Так или иначе, трудно рассчитывать на здоровое развитие страны, когда подавляющее большинство населения лишено политических и экономических прав. Однако настойчивое скандирование лозунга «так жить нельзя» ведет к соблазнительному в своей разрушительной простоте выводу — главное, чтобы «не так». Главное — «до основания», все остальное — «затем».

А что бывает затем, мы уже проходили. Господствующая община, в которой обычно превалирует вяло-реформистский настрой, резко поляри-

зуется. Профессиональные политики, военные и технократы, вкупе с простодушными «реакционерами желудка», преобразуются в твердолобые старорежимники, готовых скорее начать гражданскую войну, чем поступиться хотя бы йотой своих принципов. Принципов, которые до того вышучивались в праволиберальных газетах. Им противостоят интеллектуалы-гуманитарии, одержимые комплексом вины перед угнетенным народом. Интеллигенция всей душой приняла революцию — это прекрасно. Тем самым лидирующий слой общества раскололся и обессилел, а это уже катастрофа.

Еще более катастрофична стремительная большевизация угнетенной массы, — как ответ на нежелание господ поступиться принципами, в то время как принципиальность последних каменеет тем сильнее, чем жестче требования вождя народа. Система вступает в резонанс, и уже неважно, кто первый начал. Хотя — знание этого полезно в прогностическом плане — изрядная доля вины лежит на народолюбивых интеллектуалах, не сумевших соблюсти баланс между гуманитарными идеалами и собственным корпоративным интересом.

ЮАР является единственной, пожалуй, страной в мире, где численность компартии в последнее время растет. (Замечу в скобках, что среди руководителей южноафриканской компартии есть выходцы из СССР — в основном это бывшие военнопленные второй мировой войны. Странные бывают сближения!) Коммунистическая пропаганда в ЮАР принимает агрессивно-карикатурный характер. Так, вместо старинного и несколько абстрактного лозунга «мир хижинам, война дворцам» выдвигается тезис обновленный и вполне конкретный. Известно, что в ЮАР в домах, принадлежащих старым африканерским семьям, поколениями живут черноко-

жие слуги — архаичный расовый симбиоз немного в духе «Хижина дяди Тома». Программная установка южноафриканских коммунистов — передать именно эти дома в собственность именно этим слугам. В области образования — поскольку программы созданы белыми, нарочито затруднены и вообще неправильны, обучение в школах отменить, но школьные аттестаты все равно выдавать. Ну и разумеется, национализация всего — главное, золотых и урановых рудников — в пользу беднейших и угнетенных. Так что лидеры черного большинства подчас бывают вынуждены вести антикоммунистическую разъяснительную работу среди населения. Но это вряд ли поможет — умеренно-буржуазная «Инката» проигрывает марксистски ориентированному АНК, настоящей «партии нового типа» с секретным членством и боевыми отрядами.

Что же касается решения национального вопроса в ЮАР, то здесь возникают проблемы, чрезвычайно схожие с теми, которые возникли в ходе «перестроечной» дезинтеграции Советского Союза.

Большевики, разыгрывая в своей борьбе за власть национальную карту, в 20—30-ые годы разрушили российское наднациональное имперское пространство созданием наполовину искусственных этно-территориальных образований. Была сформирована этнократическая империя — за этносами закреплялся государственный статус, этносы были выстроены в иерархию, разделены на руководящие и руководимые. Подобная же матрица была создана и в ЮАР — официальные подразделения общества на белых, цветных, индийцев и чернокожих.

Что же касается независимых, а также самоуправляемых бантустанов — то это, в сущности, готовые союзные и автономные республики. Практика направления туда белых адми-

нистраторов — в помощь «младшим братьям» — целиком соответствует советской традиции непременно русских вторых секретарей ЦК республиканских компартий, и вообще широкому участию «товарищей из Центра» в работе по укреплению местных кадров.

В самом ли деле Малан и Фервурд прилежно усваивали уроки Октября, или это язык истории столь скуп на новые слова? Форма — это оптимизация содержания, и потому идея политической правосубъектности этноса (или расы) совершенно естественным образом привела к формированию сходных социальных конструкций. Советская система этнотерриториальных образований вкупе с пропиской и трудовой книжкой — это ведь лишь более гибкий вариант апартеида. В ЮАР апартеид осуществлялся с колонизаторским солдафонством; в СССР он прикрывался декадами национальных культур. Впрочем, южноафриканские операции по «ликвидации черных пятен» (насильственные переселения целых пригородных поселков) мало чем в сущности отличались от советских депортаций «провинившихся народов». Относительная мягкость советского апартеида ужесточалась его многовариантностью. Наряду с этнотерриториальным, существует просто территориальный апартеид (огромное количество городов, закрытых для прописки), не говоря уже о находящемся по ту сторону закона мире лагерей и поселений, где обитает неведомая гигантская нация зеков, сыльнопоселенцев и «удо» — условно-досрочно освобожденных...

В пятидесятые годы в ЮАР была подавлена акция АНК по ненасильственному сопротивлению апартеиду. Чернокожие пытались игнорировать указатели «только для белых», за что подвергались несообразно жестким репрессиям. Но вспомним советскую практику тюремного заключения за

нарушение паспортного режима (т.е. за игнорирование законов отечественного апартеида) и попытаемся представить себе ответ наших властей на одномоментную и массовую акцию подобного рода. Впрочем, репрессии властей не так страшны, как реакция обывателей. Демонтаж апартеида вызывает всплеск расизма — и у них, и у нас, и с «белой» стороны, и с «черной». С этой точки зрения задача построения нерасового государства в ЮАР и наднационального гражданского общества у нас представляется едва ли выполнимой. Этнос был провозглашен политическим субъектом — таким образом, этнократия, даже в пору развала империи, оказывается единственным языком политики. Система национального насилия не рассыдается, а лишь переформируется.

Существуют, на мой взгляд, три сценария развития событий. Территориальное размежевание — здесь перед ЮАР стоят те же проблемы, что и перед Россией с ее автономиями, не имеющими внешних границ. Этот путь требует огромных территориальных уступок, и хотя бы в силу этого сомнителен. Российским автономиям (или южноафриканским бантустанам) нужны внешние границы, выход к морю, нужно подарить им города, дороги и заводы на подаренных землях, нужно осуществить беспрецедентно масштабные мероприятия по переселению людей... Кто пойдет на такие жертвы, даже во имя национальной идеи? Во всяком случае, не африканеры и не русские националисты.

Учредитель — трудовой коллектив журнала, Адамович А. М., Афанасьев Ю. Н., Карпинский Лен Вяч., Старовойтова Г. В., Сараскина Л. И.

Создание нерасового или, в нашем случае, наднационального, государства (союза). Но посмотрим правде в глаза — в южной Африке это будет государство чернокожих, в будущем Обновленном Союзе — сильно исламизированная страна. Согласятся ли с таким положением дел бывшие «старшие братья»? Предложенный в послепутчевые дни в России «ливанский вариант» — то есть закрепление за каждой республикой строго определенных государственных постов — на первый взгляд соблазнителен. Но сам факт, что этот вариант является именно ливанским, заставляет крепко задуматься.

Третий сценарий — резкий поворот штурвала, безразлично, вправо или влево, но на сто восемьдесят градусов. Жесткая контрреформа и создание некоей постколониальной империи с диктатурой «старшего» народа и чуть подновленной системой бантустанов (автономных образований).

Первый сценарий приемлем, но нереален, третий — реален, но неприемлем, а осуществление второго может легко перейти в третий.

Перед далекими-близкими ЮАР и СССР стоит одна задача — выскокить из тоталитаризма, минуя национал-большевизм. Политологам обеих стран пора перейти от констатаций к консультациям и, поделившись горьким опытом воплощения национальной идеи, попытаться разработать некую нетривиальную политическую конструкцию, которая наметила бы пути внеэтнического решения национального вопроса.

Журнал „Век XX и мир“ № 11 (на русском языке), ежемесячный. Напечатано в СССР. Набор сделан в типографии издательства „Новости“. Номер отпечатан с готовых диапозитивов в типографии № 6 (109088, Москва, Южнопортовая ул., 24).

Сдано в набор 20.09.91. Подписано в печать 29.10.91. Заказ № 359. Объем 3,0 п. л. Тираж 65000 экз.

Формат издания 60x90/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО

POSTFACTUM

Специализированные издания по экономике, политике,
социологии и праву

ВЕСТНИК АНАЛИТИЧЕСКОЙ и ЭКСПЕРТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Сборник аналитических и экспертных статей по проблемам экономики и политики в СССР. Все материалы "Вестника PF" содержат данные, результаты исследований и информационные материалы ранее нигде не публиковавшиеся. Основные темы и вопросы, по которым составляется "Вестник":

- исследования рынка, данные об экономической активности и промышленном производстве в стране.
- прогнозы развития событий

- статистика, данные о состоянии общественного мнения в городах и регионах страны.

- комментарии экспертов к новым законам, подготавливаемым актам и ведомственным инструкциям,

- интервью с лицами, принимающими ключевые решения в политике и экономике СССР.

Авторы "Вестника" - ведущие ученые-аналитики и эксперты в области права, экономики и политологии.

БЮЛЛЕТЕНЬ "ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЭКОНОМИКА"

Информационный бюллетень PF по экономическому праву. Выходит 2 раза в месяц. Каждый выпуск обобщает юридическую практику в различных областях правового регулирования экономики и включает в себя:

- тексты новых нормативных документов союзного и республиканского значения;

- комментарии квалифицированных юристов;

- информация о практике применения новых законодательных актов в экономике;

- тематические подборки комментариев к различным группам нормативных актов.

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ"

Дважды в неделю агентство выпускает информационный бюллетень PF экономических новостей и обзоров.

Каждый из бюллетеней включает в себя:

- полную текущую информацию о событиях в экономике страны — от высших структур государственной власти до информации отдельных фирм;

- обзоры и комментарии по экономическим тенденциям недели;

- справочную информацию по открывающимся и функционирующим предприятиям, банкам, СП, деловым ассоциациям.

- экономический мониторинг советской прессы;

Материалы готовятся собственными корреспондентами PF, а так же специалистами в различных сферах экономики с привлечением независимых и государственных экспертов.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО POSTFACTUM

123308, МОСКВА Хорошевское, ш. 41; телефон: 195-1920, телефакс 195-1820

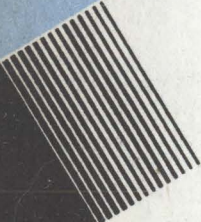
телекс: 411712 POSTF SU, телетайп: 207687 КЛАРЕТ

р/с 467005 в Коммерческом Инновационном Банке НТП (МФО 299112)

корреспондентский счет N 161707 в Центральном Операционном

Управлении Госбанка СССР

По вопросам подписки на издания агентства обращаться по телефону: 255—9341

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском и английском
языках

Цена 50 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

□ ВЕК XX И МИР □ □ □

□ XX CENTURY AND PEACE □

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверская ул, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

